

Игорь Станович

Байки
из Тоа

Исповедь повзрослевшего
дауншифтера

Игорь Станович
Байки из Гоа. Исповедь
повзрослевшего дауншифтера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503217
ISBN 9785448536410

Аннотация

В книгу вошли главы из уже опубликованного в 2009 году романа «Гоанские хроники: Исповедь дауншифтера», а также не известные читателю из второй части, являющейся продолжением и не издававшейся. Книга доработана и адаптирована к современным реалиям изменившегося мира.

Содержание

Типа предисловие	6
Гоа: официальное вступление, некогда вывешенное в Интернете	13
Пролог	17
Анекдот из жизни (почти правда)	17
Адвокат Удой	18
Сиеста. Моржим. Час сурка	30
Вася, который сам растит	37
Размышления	45
«Фреш чикен»	45
Барабан	49
«Чало» – слово сокраментальное	53
Просветленные	56
Сжигатели оранжевого бензина	59
Гомеопатия и Аюрведа	62
От индусов до индийцев, и немного о нравах	73
Гармония трёх «Д» (дураки, дороги, духи)	92
Манго	107
Хануман и Ковбой	121
Практические советы	134
Практические советы. Часть первая – житейская	134
Практические советы. Часть вторая –	140

аюрведическая
Конец ознакомительного фрагмента.

148

Байки из Гоа

Исповедь повзрослевшего дауншифтера

Игорь Станович

*...если у вас нет паранойи, это не значит, что
за вами не следят...*

Иллюстратор Ичъен

© Игорь Станович, 2017

© Ичъен, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3641-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Типа предисловие

Автор писал эту книгу, совершенно не ориентируясь ни на какую группу читателей, ни возрастную, ни социальную, ни какую прочую. Автор вообще плохо ориентируется. Сия нетленка родилась сама собой из наблюдений, впечатлений, историй, происходивших, да и происходящих сейчас как с ним самим, так и с людьми, живущими вокруг. Поэтому продукт его творчества – а любое действие, производимое от души и с любовью, является творчеством, будь то заваривание чая или занятие любовью – есть продукт коллективный. Как бы кто ни говорил, какой он молодец и сукин сын, в одиночку он – ничто. Что бы он делал, не встретиться ему на жизненном пути такие интересные люди и прочие занимательные персонажи. Не говоря уже о редакторах, корректорах, наборщиках в типографиях, перестройке, открывшей границы, правительстве, ослабившем цензуру, партии, ... пардон, теперь или пока, это не актуально, ... да всех и не перечислишь. А так как автора никто и никогда не учил писательству, и он все свои «велосипеды» и «телеги» изобретал сам, то и пошел по пути наименьшего сопротивления, придумав-таки стиль, совершенно не обязывающий к наличию какого-либо сюжета. Тем более, что один умник подсчитал – я, конечно, могу ошибаться в цифрах – будто вся литература мира за всю её историю ограничивается двадцатью

четырьмя сюжетами. Вся остальная куча исписанной бумаги – есть перепевы этих двадцати четырех сюжетов. Так что свой стиль я бы назвал – литературные паззлы или леги, части которых можно «местать менями», читать почти с любого конца или выборочно на интересующие вас темы.

По задумке, это располагает к продолжению, если будут «заявки читателей». Такая мысль пришла в голову, когда я публиковал отрывки в Интернете, и мне приходили письма типа «аффттар издчо». Прототипам персонажей было зачитано и испрошено разрешение об упоминании того или иного эпизода или черты характера. Что-то впоследствии пошло в дело, а что-то пришлось зарыть в недра винчестера в ожидании подходящего случая для использования в других историях, возможно, того самого продолжения. Некоторые узнают здесь себя, а кто-то углядит в этих рассказиках детали биографий своих знакомых, причем, возможно, нескольких в лице одного героя. Это нормально, и имена могут совпадать, и фамилии быть похожими, автор очень пыжился в потугах на художественность.

Ведь речь идет о Гоа, а это очень серьезная тема. Так как Гоа – это отдельный, очень странный, не похожий ни на что мир, и люди, здесь живущие, также очень странные и с традиционной точки зрения абсолютно не от мира сего, вернее, «не от мира того», что существует за пределами Гоа. Ведь грань между вменяемостью и сумасшествием проходит лишь в вашем сознании, а обращать или нет внимание на те или

иные поступки и поведение определяется вашим воспитанием и этикой. Я наблюдал, как внешне абсолютно не приспособленный к самостоятельной жизни мальчишка, больше напоминающий ботаника в очках, полгода скитавшийся по ашрамам, искал работу, чтобы добыть средства на билет в Москву, так как виза уже кончалась, а деньги и не начинались вовсе. Разве это не сумасшествие? Или как делегация правительства одной из волжских областей во главе со спикером областной думы накрыла во время экскурсии в заповеднике около водопада, куда даже пластиковые бутылки проносить запрещено, «поляну», и три часа бухала, пытаюсь напоить водкой и накормить салом всех окружающих, в том числе и обезьян. С последними они, кстати, неплохо ладили, видно, генная память, дремавшая у думцев несколько десятков тысяч лет, под действием водки проснулась, и они признали друг в друге родственников, братьев и единомышленников. И что более вменяемо? Или бывший олигарх-нефтяник, променявший домик в Барвихе с конюшней на пасеку, расположенную на окраине индийской деревни. Наверное, поэтому на вопрос: – «как дела?», здесь чаще отвечают: – «нормально». Ни хорошо, ни плохо, потому как эти понятия сугубо индивидуальны, вспомните хотя бы, «что русскому – хорошо, то немцу – смерть». Вот мы и говорим – «нормально», нормально сейчас, здесь и для меня, а что будет потом...?

Люди, оседающие тут, составляют определенную общ-

ность, интернациональную, жутко разношерстную, некоторые с весьма сомнительным прошлым, находящиеся в розыске по линии Интерпола, но здесь это ни плюс, ни минус, здесь это – нормально. Это человекоборище – гротесковая, сюрреалистическая модель какого-то утопического мира. Я бы назвал её неким ПАРАЗИТАРИЕМ, ведь люди, здесь живущие, с точки зрения людей вменяемых, живущих не здесь, полные паразиты и бездельники на шее цивилизации. Здесь почти нет криминала, ну, воруют, конечно, как на любом курорте, в основном заезжие гастарбайтеры из соседних штатов и сами туристы. Поэтому задачи полиции сводятся к «бомблению полтешков» с едущих без прав иностранцев, которые после уплаты пары штрафов резонно считают себя выполнившими свой долг перед семьями этих достойных полисменов и, игнорируя выбегающих из кустов сборщиков податей, проезжают мимо. Для российского менталитета тут полное раздолье. Если менты приезжают на громкие вечера – «пати» и выдергивают провода после десяти часов вечера, организатор удаляется с ними «потрендеть» и, передав гостинец его детям, продолжает веселье. Как все это близко, не правда ли? Но подробнее об этом в самой книге, нелогичной и сумбурной на первый взгляд. Но если даже по прочтении книги до конца вы не увидите в ней логики, значит, автор добился своего, он смог передать свои впечатления и ощущения и нарисовать пеструю, может, немного самодеятельную иллюстрацию к этой отдельной, от-

части мультяшной, планете под названием Гоа. Мы все живём в действительностях, которые сами себе создаём. Какая она, именно ваша действительность? И как кому воздастся по действительности его?

Конечно, все гораздо сложнее, но мне кажется, что мир поделился на четыре основных категории людей, первая – кто побывал в Гоа, вторая – кто только собирается, третья – кто побывал и думает приехать сюда жить, хотя бы сезонно, и четвертая – кто уже это делает всеми правдами и неправдами. Впрочем, есть и пятая, кому не нравится Гоа, побывал он там или нет, и всех жителей его он считает идиотами, придурками и отбросами общества. За моё восьмилетнее, в общей сложности, пребывание в Индии я столкнулся с тремя такими случаями. Первый раз это был прапорщик из Воронежа, что уже является исчерпывающей характеристикой, который грозился «всех их построить и траву заставить красить зелёной краской», где он её там вообще нашел в сухой сезон. Второй – родственница, это случай особый, в их семье принято все бельё после стирки гладить утюгом, вплоть до трусов, носков и полотенец. Здесь с таким сервисом тяжело. Третий – семейная пара лет тридцати, рассуждавшая во время обратного полета в Москву, что Турция значительно интересней. И гостиницы у «индусов» – говно, и ром несвежий: «литр выпили – ничего, второй – уже подташнивало, а на третьем – совсем вырвало, да так, что до утра пить не могли ничего, кроме пива». Выяснилось, что

название гостиницы они не помнят. Помнят, что это было в Индии, а «местность называлась как-то то ли Аго, то ли Ога, короче, остров. Бассейн был, но мужик в фуражке что-то от них хотел, когда они мыли арбуз в этом бассейне, потом они распилили арбуз об веревку с буйками, которую те дебилы зачем-то натянули возле „лягушатника“. Ну, бандерлога с кокардой они накормили, и тот отстал, а вот аниматоры у них вообще отстой». В плюралистическом порыве автор готов согласиться с любым видом и способом отдыха. Он и сам ездил по миру, ориентируясь по сервису на «Hotely» не менее четырех звезд. И тоже жил в Южном Гоа, правда, более недели не смог выдержать, переехал на Север. Ездить на экскурсии в кондиционированном автобусе с тонированными стеклами гораздо комфортней, к тому же – проще. Тонировка спасает от яркого солнца, но и приглушает краски, делая мир не столь естественным, а кондиционер создает прохладу, зато отфильтровывает запахи и выдает искусственный стандартизированный продукт вместо воздуха. А иногда нам, привыкшим к пакетированному соку, не выжато, а именно произведенному по строго разработанной для нас или за нас рецептуре, с четко подсчитанным количеством витаминов и минералов, хочется, ... да мало ли чего нам хочется, в чем мы сами себе боимся признаться.... Но у кого-то вдруг получается сделать по-своему, вопреки здравому смыслу и навязанным представлениям о правильности жизни «как полагается и как у всех».

Эта книжица как раз и есть попытка описания взгляда оттуда, изнутри и из-под логики. «Глаза в глаза – лица не увидеть», как гласит русская пословица. Возможно отсюда, с берега Индийского Океана, частью которого является Аравийское море, можно более отчётливо увидеть наши, родные, российские минусы и плюсы, говорить о которых без юмора просто невозможно. И не обязательно для этого мыть в Океане свою обувь, а уж приезжать в эту часть Индии в сапогах – просто безумие. Надеюсь, что интересна она будет и людям, узнавшим себя и знакомых, и людям, просто любящим Индию. И тем, кому эта планета не понравилась, потому что автору тоже не все тут нравится. И тем, кто только собирается посетить наши края, ибо в ней полно достоверной, даже документальной информации и советов чисто житейского плана. Скажу еще, что аниматоры здесь практически все, по духу или «по жизни», и с нами, живущими тут, не соскучишься..., хотя всё зависит от той реальности, которую ещё называют иллюзия, той, что вы создали в СЕБЕ.

Гоа: официальное вступление, некогда вывешенное в Интернете

Когда после шести с половиной часов полета самолет начинает снижаться, заходя на посадку в аэропорт Даболим, многие, игнорируя требование инструкций, прилипают к иллюминаторам, вглядываясь в очертания береговой линии. «Под крылом самолета о чем-то поет...» древняя и загадочная Индия. Воображение рисует картины, основанные на впечатлениях из предыдущих поездок на Восток. Расслабьтесь, впечатления все впереди. И они, поверьте, не сравнятся ни с чем, каким бы заядлым путешественником и любителем Азии вы не были. Потому что Индия не похожа на прочий восток, а Гоа не похож на всю остальную Индию, да, впрочем, это и не Индия в привычном понимании. Хотя он и находится на западе полуострова Индостан и является самым маленьким, самым богатым, самым малонаселенным, самым... штатом республики Индия со всеми политическими и экономическими атрибутами, однако, он уникален.

Наряду с двумя государственными языками – хинди и английским – в Гоа (правильно говорить «в», хотя многие и говорят «на», возможно, по аналогии с Ибицей, но Гоа – это не остров) есть свой региональный язык «конкани», сложившийся за пятивековую колониальную историю пребывания

здесь португальцев (остальная территория Индии была под англичанами).

Их присутствие отразилось на всех сферах жизни населения. Конкани – по сути, смесь хинди и португальского, одобренная словами из английского и африканских языков. И смесь эта присутствует во всем – от смешения кровей и искусства до кухни и религии: 80% гоанцев католики, а фамилии – сплошные Родригесы да Монтьеро.

В отличие от остальной Индии, где существует полусухой закон, здесь производятся (ну и употребляются, конечно) прекрасные алкогольные напитки по старинным португальским рецептам, не испорченным современными технологиями, а знаменитое пиво «Кингфишер» даже экспортируется в Европу. Индию вообще трудно испортить, ее можно завоевать на какое-то время, но нельзя подчинить и подстроить под себя. В этом убедились все, кто приходил сюда с оружием или без. Пока они прибирали к рукам материальные богатства, Индия забирала их душу, подстраивая их мозги под себя. Александр Македонский, почувствовав это, развернул свои войска практически от стен Дели; ислам воинственно ворвался сюда и, ассимилировав, растворился, став одним из самых мирных на земле, как, впрочем, и буддизм. А, зайдя в дом к католику, вы обязательно увидите рядом с Иисусом и Девой Марией Ганеша или Кришну. Великие Моголы оставили здесь свои первые обсерватории, англичане – левостороннее движение и государственный язык,

впрочем, многие сами остались, не мысля себе жизни без Индии. Кстати, сокровища графа Монте-Кристо родом тоже отсюда. В доказательство этому в Старом Гоа стоит старинный памятник аббату Фариа, служившему тут. И бизнес, видеть, у него шел неплохо....

У Индии есть одна удивительная особенность, пока не понятая бизнесменами от туризма – ее нельзя утуречить и обегиптить. Хотя попытки с переменным успехом на юге штата предпринимаются. Там уже построены пятизвездочные отели «оллинклюзив». По закону, фундаментальные постройки ближе пятиста метров от моря запрещены, пляжи муниципальные, в основном, дикие, инфраструктура туризма развита слабо. И заплатившие немалые деньги отдыхающие сидят в райской резервации у гостиничного бассейна, прогуливаются до пляжа и посещают стандартные экскурсии: водопад, плантацию специй, по дороге – Старый Гоа, пару костелов, пару храмов. А по вечерам оттягиваются в прибрежных ресторанчиках, вокруг которых и сосредоточена послезакатная жизнь, изредка выбираясь в северную часть, где и происходит все «движение», тратя на это по два часа в один конец.

Север – это другой мир. Поверьте мне, объехавшему всю Азию и прожившему в Индии в общей сложности около восьми лет, я не видел более странного места на Земле. Это кипящий котел из «блошинных» рынков Анжуны, знаменитых дискотек, еврейских и итальянских поселков в Вагаторе, культовой русской тусовки в Моржиме (ресторан

«ЧайКоффСкий» и «Главфиш»), непальских базаров, слонов и коров, законно считающих себя неотъемлемой частью дорожного движения и, конечно же, транспати, длящихся по несколько суток, и многое-многое другое...

Пролог

Анекдот из жизни (почти правда)

Сидит в чапорском Джус Центре группа жителей Анжуны. Один из них спрашивает товарища.

– Расскажи-ка, Хаем, как твоё здоровье, память не подводит? Уж больно ты много куришь.

– Нет, здоровье отличное, вот раньше всё забывал, а теперь память ясная, четкая, лучше, чем у ребёнка. Я к доктору хорошему ходил, курс лечения прошёл.

– Слушай, мне тоже надо, прям ничего не помню. Как доктора-то зовут?

– Ээ, дай соображу... как же его зовут... сейчас вспомню... подскажи мне, есть ещё такой цветок красный...

– Мак?

– Нет, какой мак.... Такой ещё, с шипами....

– Роза?

– Во-во-во. Роза, Розочка, скажи, пожалуйста, дорогая, как зовут того доктора, который меня от склероза вылечил?

Адвокат Удой

«Удвой удой, утрой удой, иначе ты пойдешь в убой», – вспомнился лозунг, виденный мною в совхозе отгадайте с трех раз имени кого, когда мы отбывали почетную барщину всех работников НИИ в милые советские годы. Для тех, кому не повезло с рождением застать то благословенное время, поясняю. Раз в год, а то и чаще, студенты, работники НИИ, короче, все бездельники, чьё присутствие или отсутствие на рабочем месте никак не сказывалось на макро и даже микроэкономическом состоянии Родины, вынь-положь должны были две недели отработать, как тогда называлось, «в колхозе». За это у них шла зарплата, что-то платили за их сельхоз труд, давали отгулы. Молодежь относилась к этому, как к приключению, возможности оттянуться, по-пьянствовать и провести эти денечки «сексуально распущено», в необычной обстановке и с новыми людьми. Примерно тем же занимаемся мы сейчас, вырываясь «в заграницы», санатории и т. д. Даже термин такой существовал по аналогии с «курортным» – «колхозный роман». Старшее же поколение разживалось справками о состоянии здоровья или отработывало «колхоз» на овощной базе, перебирая стухшую капусту с морковью, не выезжая из города и без отрыва от семьи.

Игорь отогнал нахлынувшие приятные воспоминания и толкнул дверь с надписью «Адвокат Удой Найк». Луис,

местный тусовщик, бывший жиголо и наркодилер, хотя это и не характеристика – тут многие по совместительству в свободное от основной работы время наркодилеры – отрекомендовал его, как «очень хороший адвокат, мы с ним столько рома вместе выпили, он и кокаин любит нюхнуть, и хеш курит, но не в рабочее время». Возможно, в глазах Игоря Ганди, прозванного местными жителями так за круглые очки и проживание в деревне среди рыбаков, а не в среде соотечественников, подобная характеристика должна была добавить авторитета.

Адвокат нужен ему был для того, чтобы составить «агримент», то есть договор о том, что байк, то есть мотоцикл, куплен на его деньги, но на имя того самого Луиса, ибо купить форенеру, то есть иностранцу, недвижимость или средства передвижения на свое имя возможно, лишь став резидентом, а он пока резидентом был только в душе. Таков закон штата Гоа. Но законы меняются и сейчас стали мягче. Короче, вопрос, который надо было решить с помощью адвоката с такой спортивной фамилией, был из серии «говно-вопрос», по-русски эта бумажка называется доверенностью.

В Индии практически любой юрист называется адвокатом, кроме нотариуса – у того особый статус. Ганди позвонил ему еще утром, чтобы договориться о встрече, трубку взяла девушка, по всей видимости, секретарь.

– Да, сэр, Луис предупреждал нас, – произнесла она на индийском английском, который, впрочем, для Игоря был бо-

лее понятен, чем англичанский, потому что он вырос в Дели, прожив здесь с родителями почти четыре года. – Мистер Удой ждет вас в пять часов, не опаздывайте, мы работаем до шести, у вас будет час на составление договора, этого вполне хватит, до встречи.

Лаконичность и деловой тон помощницы вселили в него надежду, граничащую с уверенностью, что юриспруденция в Индии отличается от остальных отраслей хозяйствования большей точностью и пунктуальностью.

Дорога в Панаджи, или Панджим, что одно и то же, столицу штата, где располагался офис мистера Найка, шла по мосту через довольно широкую полноводную реку. Несколько лет назад, когда моста еще не было, переправляться приходилось на пароме или, по-местному, фариботе. Потом построили мост, но переправу оставили – она сокращает путь на четыре километра, если едешь со стороны Калангута или Кандолима. Для не самого богатого на земле крестьянства это большое подспорье в экономии бензина, учитывая его стоимость более доллара за литр, с потерей времени, конечно, но на такие пустяки здесь внимания никто не обращает, этого добра хватает – спешить гоанцы не умеют. Еще один плюс фарибота, кроме экзотичности – Игорь часто катался на нем со своим сыном Ильёй – то, что приходит он непосредственно в центр города, где можно ездить без хелмета, то есть шлема. А мост считается хайвеем, там без хелмета ну никак нельзя, за этим следит бдительная и не всегда беско-

рыстная, как и всё ГАИ стран второго, третьего и четвертого мира, полиция в белых рубашках. Корысть их за вашу езду без шлема исчисляется пятьюдесятью рупиями с человека тёмной наружности и сто с форенера. Ганди вполне искренне считал себя почти местным, ну уж, по крайней мере, по-прозвищу. Больше полтинника, а это доллар с небольшим, не отдавал, говорил по-русски: «Хрен вам, суки» и прочие матерные слова серьезным деловым тоном. Показывал взятое в Москве в посольстве Индии письмо, начинающееся словами: «Всем, кого это интересует...», и разъясняющее, что он приехал сюда проводить международный фестиваль мультимпликации «Гоанима». Это действовало безотказно, учитывая преклонение местных официальных лиц перед официальными бумагами. А многозначительное: «Я работаю вместе с вашим гаверментом...», то есть правительством, чаще всего давало возможность вообще быть отпущенным бесплатно. Конечно, для русского человека разойтись с гаёвцем за тридцать рублей не просто смешно, а истерически смешно. Но здесь и гаишник другой, и жирует он не столь варварски, и совершенно другая система ценностей. Подтверждением тому является стоимость переправы – она составляет десять рупий с автомобиля, а байки, люди, гаишники и животные вообще бесплатно. И это не единственное бесплатное, что делает правительство для своего народа. Можете представить себе, например, ситуацию, если поменять на время в качестве обмена опытом мэра Панаджи и Моск-

вы? У Юрия Владимировича от такого безобразия кепка дыбом встанет, он скажет своим пацанам, и на подъезде к парому поставят шлагбаумы, сделают платную стоянку и т. д. Да, господину Лужкову с семьёй есть чему поучить бестолковых туземцев...

...Игорь отогнал нахлынувшие мысли и толкнул дверь. Традиционно разувшись и оставив обувь перед входом, он прошёл в офис. Контора адвоката состояла из двух комнат без дверей между ними: кабинета босса, в котором сидела и помощница, а также довольно большой, захлавленной, для прочих работников. Посередине заботливо накрытая вышитой салфеткой стояла древняя швейная машинка с ножным приводом, напоминающая прабабушкин «Зингер», виденный Игорем во время редких приездов в Саратов к родственникам. Около неё сидел, уткнувшись в бумаги, работник, который сразу же отвлекся и встал, приветствуя вошедшего.

– Намастэ ту эври боди, – поздоровался Ганди, сложив вместе ладони.

– Намастэ, – ответили хором работники Фемиды. – А вы мистер Игор Ганди, – произнесла, также сложив в приветствии ладони, девушка вполне приятной индийской наружности.

– Посидите пять минут, господин Удой звонил, что едет, он был на встрече, текст готов, осталось только распечатать и проверить данные. Если бы мистер Луис Кардозо прибыл

с Вами, мы бы успели все сделать сегодня...

«Так, начинается», – подумалось Игорю, неплохо разбирающемуся в восточном восприятии времени и его течении. Если арабские пять минут могут уложиться в полчаса, то индийские, бывало, доходили и до суток. Успокаивало то, что до конца рабочего дня оставалось полчаса, ибо он сам опоздал на полчаса, но в Индии это допустимо. И каким бы трудоголиком не был этот замечательный Удой, вряд ли он промаринует его здесь долго, небось, друзья и кокаин ждут. Главное, чтобы он вообще появился, но вроде бы звонил...

Ганди сел на предложенный стул и начал оглядывать комнату. Кроме целеустремлённого работника в некогда белой рубашке, черных брюках и, естественно, босиком, упомянутой прежде столь необходимой юридической конторе исторической бытовой техники, в комнате находились шкафы с папками, покрытыми сантиметровым слоем пыли. Впрочем, папки лежали и на полу, и на стульях со сломанными спинками, и даже под столами. А пыль в Гоа – столь неотъемлемая часть быта, что вытирать её, с точки зрения индийца, занятие бестолковое, а может, даже кощунственное, будь то адвокатская контора или пятизвездочный отель.

Сегодня у господина Найка восприятие времени оказалось почти европейским – буквально через пятнадцать минут, то есть за пятнадцать минут до закрытия конторы, в дверях появился по индийским меркам высокий, улыбающийся, уже за пятьдесят, человек в строгом черном костюме, бе-

лой рубашке и галстуке. Естественно... босиком, а его правая штанина была закатана.

– Намастэ, – он протянул после индийского приветствия руку. – Сейчас включу компьютер и мы распечатаем агримент. – Он проследил за взглядом Ганди, тот случайно скосил глаза на штанину. – Сори, сэр, – он потряс ногой. – Я на работу езжу на велосипеде, здоровье, знаете ли, не молодя на байках ездить...

«Ну да, особенно гашиша покурив, а снюхав добрую „дорожку“, так „газу“ дает, что байки „в заднице“ остаются», – подумал тот.

Включение компа было мгновенным и заняло минуты три.

– Ну, вот. – Приговаривал адвокат, косясь в ксерокопию гандивского гербастоорластого, из чего Игорь сделал вывод, что готовностью договора даже не пахнет, и эта смуглая клуша-помощница просто его обманула, сказав, что агримент готов – мистер Найк его только сейчас набивает самолично. Может, у неё допуска к компу шефа нет, ведь сидела, дура, полдня, «вола мучила» или не в курсе была, что не готов...?

Ровно в шесть, надев на ноги свои стоявшие у двери «чапалы», взяв под мышку портфель, так как руки были заняты прощальным Намастэ, и по-гоголевски согнувшись, контору покинул невзрачный служитель. Ленивая секретарша, испросив разрешения на местном языке конкани, также удалась. Они остались с боссом вдвоём. Еще через пятнадцать

минут господин Удой откинулся на стуле, оглядывая результат своей кропотливой работы.

— Готово. — Удовлетворенно произнес он. — Вы купили титульный лист с водяным знаком?

— Если бы я знал, что это такое.

— Не расстраивайтесь, сегодня все равно бы не успели, ведь мистер Кордозо не смог приехать, а его подпись необходима. Завтра в это же время я жду вас обоих на подписание, и не забудьте привезти бумагу, о которой я говорил, она продается в любом книжном... Луис знает.

«Вот гад», — подумал Игорь, — «а на хрена надо было мне сюда переться, или без стояния над душой они...».

После шести вечера возвращаться можно было и через мост, чтобы не толкаться на переполненном в связи с окончанием рабочего дня фариботе. Выполнившие план гаишники уже не бдили на хайвее, и распоясавшиеся мотоциклисты носились, нагло сняв шлемы, что, впрочем, мало сказывалось на аварийности, скорее, на благосостоянии семей полицейских. Вечереющий Панаджи радовал глаз зажигающимися огнями, плавучее казино, напоминающее помесь крейсера «Аврора» с новогодней елкой из-за выступающего вперёд у воды носа и весёленьких гирлянд, выдвигалось «в ночное», проплывая под мостом и выходя в открытое море. По закону на земле штата игровые заведения располагать запрещено, но «бабло всегда побеждает зло», да и про воду нигде ничего не сказано, поэтому казино устроили на корабле, и с вечера

до утра оно прекрасно себя чувствовало, курсируя вдоль берегов благочестивого Гоа.

Переехав реку, он заглянул на рыбный рынок, расположенный почти у моста – последние лотки закрывались, распродав вечерний улов. Он купил за пять долларов полтора килограмма королевских креветок – Валя просила что-нибудь на ужин. Тигровых он не любил, они были очень большие и их надо разделявать, вынимая черную кишку, проходящую вдоль спины, иначе песок скрипит на зубах, да и ощущение поедания чужих какашек не добавляло аппетита. Хотя есть ценители, утверждающие, что это придает некую вкусовую пикантность. Скорее всего, они просто ленятся их чистить и находят себе оправдание. А по сложившейся в их семье традиции, приготовление мяса и рыбы было на нем, и, чтобы облегчить задачу, он выбрал королевские, которые не нуждались в подобной обработке да и стоили дешевле.

В пятнадцать минут шестого следующего дня теперь уже вдвоем с господином Луисом, предварительно купив в ларьке местной «союзпечати» требуемый листочек с водяными знаками, они подъехали к знакомому офису. Интерьер его все так же напоминал бытовку кладовщиц где-нибудь в промзоне на улице Ивана Франко, швейная машинка стояла на том же месте, местный Акакий Акакиевич так же, согнувшись, приютился за ней, только рубашка его стала чуть серее. Что делать, все мы вышли из гоголевской «шинели», если вы думаете по-другому, внимательнее перечитайте

классика. Адвоката так же не было. Сегодняшнее расположение звезд уменьшило продолжительность «файф минутс» еще на пятнадцать минут, затем последовала трогательная церемония встречи адвоката с господином Кардозо. Они три раза обнялись на «братковский» манер, после чего минут десять живо рассказывали на конкани друг другу семейные новости, а может, о чем-то договаривались на непонятном форенеру языке. Одет господин Удой сегодня был в элегантный строгий серый костюм с галстуком. Он был, естественно, босиком, правая штанина была... закатана...

– Ну, все, – хлопнул он себя по лбу, сострив при этом. – Время – деньги, как говорят у вас. Ха-ха.

Он сел за компьютер и стал с умным видом поглаживать клавиатуру.

– Дело в том, что документ не сохранился, вы же знаете, как часто у нас происходят отключения электричества, да и компьютер – вещь настолько неизученная... он же практически живой и живет по своим законам, не всегда подвластным человеку...

«Ну, вот оно и началось, – подумал Ганди, – «... а в это время проводница девятого вагона...», – словно прозвучал в голове голос Семена Альтова.

– Да вы не волнуйтесь! – посмотрев на Игоря с испугом, воскликнул адвокат. – Файф минут и все сделаем, тем более, и мистер Луис тут, все подпишем в лучшем виде...

Перспектива стать счастливым обладателем замечатель-

ного японского байка да еще купленного за его же собственные деньги опять откладывалась на магические восточные пять минут.

Мистер Удой уперся в экран старинного монитора, занимающего половину стола, быстро одним пальцем правой руки застучал по клавиатуре, крепко придерживая её левой, чтобы она не скакала по гладкой поверхности.

Не прошло и получаса, как агримент, состоящий из шести листов формата А4, прошитый нитками, металлическими скрепками, в красивой обложке из купленной государственной бумаги с водяными знаками, почему-то значительно превосходящей по размеру, с наставленными на неё шестью адвокатскими штампами и печатями, лежал на столе. Мистер Найк довольно покачал головой из стороны в сторону – этот знак у индийцев обозначает согласие, или слово «да», или все, что угодно, кроме отрицания.

– Ну, все, поздравляю вас, документ готов. – Он глянул на часы. – Осталось только к нотариусу, чтобы он его заверил, и ездите спокойно на легальных условиях... но к нему вы сегодня не успели... ничего, я дам вам свою визитку, завтра пораньше, пока у него никого не будет, часам к десяти подъезжайте, он здесь напротив, покажите мою карточку, и он все вам сделает без проволочек...

Они пожали друг другу руки – все-таки, приятно иметь дело с деловым человеком и вышли в знакомый португальский дворик вечеряющего Панаджи. Посмотрели на темные

окна нотариальной конторы, в которую завтра Игорю придется ехать уже в одиночку. Луис пошел проведать приятеля, раз уж он попал в столицу. Ганди сел на свой еще не легализованный байк, на котором уже месяц ездил незаконно, и помчался в сторону парома.

Влажная жаркая духота сменилась прохладной, вечерние «кормильцы», готовые пожарить вам на примусе омлет или другую яичницу, выкатывали тележки делать свой маленький бизнес. Жизнь была прекрасна, ведь это Индия, это Гоа, здесь адвокаты ездят на работу на велике и курят гашиш, а пять минут – понятие, скорее, философское, здесь люди не знают, что такое Макдональдс, а маленькие дети просят «бакшиш», добавляя слово «сэр», здесь на улице может возникнуть пробка, когда стадо мотоциклов объезжает задумчивую корову, устало прилегшую отдохнуть на перекрестке у Мэрии. Так было и так будет... ведь это – жизнь...

Сиеста. Моржим. Час сурка

Сиеста в Гоа – понятие строгое и бескомпромиссное. По крайней мере, таким оно выглядит сейчас. В других штатах в жаркое время после полудня люди просто ложатся передохнуть в тенёк, на газетку и спят себе. Здесь подход более цивилизованный, с европейским оттенком и доставшимся в наследство от португальских оккупантов названием. Примерно в половине второго рынки пустеют, магазины закрываются, дороги становятся совсем свободными. Народ откушивает и дрыхнет, готовясь к самому активному, во всех смыслах этого слова, времени суток, наступающему с четырёх часов вечера и до десяти, после чего по законам штата шум должен быть прекращён, ибо надо отдыхать, так как завтра снова трудиться, зарабатывая на чапати насущную. К двум часам пополудни столбик термометра упирается в цифру сорок и тоже засыпает, перегревшись. Асфальт подплавляется, размягчая полотно дороги и искажая визуальное восприятие пространства звенящим маревом медленно восходящих при полном штиле потоков горячего воздуха. Мир впадает в контролируемый анабиоз, наблюдая бессознательным взглядом сквозь полуприкрытые веки за белыми сумасшедшими туристами, готовыми пожертвовать собственным здоровьем, чтобы как следует отдохнуть и не упустить не единого часа выстраданного отпуска. Они вяло бороз-

дят околоасфальтовое пространство, рассекая густой воздух покрасневшими телами, усаженными на прокатные скутера. Шумно паркуются возле Баньяна, чтобы сделать фото на память. Или дружно окружают меланхольную, поджарую корову с той же целью, внося дисгармонию в привычный распорядок хода событий.

У местных рыбаков и прочего мужского населения деревни Моржим Бич этот бар назывался просто Бар. То ли на большее фантазии не хватило, то ли не было смысла изгаляться, придумывая название, ведь кроме Бара в деревне было второе заведение общепита под названием Ресторан, которое, впрочем, ни размером, ни сервисом, ни ассортиментом от Бара не отличалось. Туристы сюда заглядывали редко, из форенеров лишь местные русские заходили купить воды или бухла на вынос. Завсегдатаями являлись местные «синяки» и хозяин рюмочной, у которых не было выбора и деваться им было некуда. Вся компания полусидела, полулежала на относительно свежем воздухе, внутри здания находиться было невозможно, там стояла прединфарктная духота. Мистер Дэ, хозяин русского клуба «Гоа Фемили», в миру предыдущей жизни – морской офицер Российского военного флота Дмитрий, заехал в Бар случайно, по пути в свою гостиничку под названием «Наша Раша». Это была последняя точка, где можно было купить бутылку минералки. Хозяин стряхнул дремоту, чтобы дотянуться до холодильника с водой и ящичка с мелочью, потом снова скосил осоловевший

взгляд в бесконечность. Дэ сел на завалинку из пальмовых стволов и стал пить прямо из горлышка. Хозяина Бара звали Ишвар, что может переводиться как Иисус, одно из имен которого Христос, которое у гоанских индуистов идентифицируется как Кришна, хотя они и сами ещё до конца не разобрались. Возможно, ответственность такого имени и положение собственника Бара обязывали тѣзку великого (-ких) пророков вести себя соответствующе солидно. Что, в свою очередь, сказывалось на его авторитете в деревне. В свои двадцать четыре он являлся старостой и был весьма уважаемым. Нарушивший послеобеденную медитацию старый знакомый форенер раздвоил его личность. Одна её часть продавала минералку, а вторая продолжала постигать законы вечности, глядя в неё через положенную на бок цифру восемь, образованную сплетѣнными ветками дерева манго у входа в Бар. Потом личности совместились, вернувшись из различных миров в окружающую реальность. Ишвар глянул на часы и сказал сонным голосом.

– Вовремя приехал, Мистер Дэ, сейчас интересное явление будет происходить. – И указал на дерево, на котором кемарил, покачиваясь на ветке, молодой обезьян. Под деревом, также сложив осоловелые глазки в кучку, лежал в пыли пѣс породы гоагардендог, весьма гордый своей родословной. Судя по экстерьеру, в роду его встречались предки благородных заморских кровей, возможно, даже немецкой овчарки. Пѣс, как будто подчиняясь приказу сверху, нехотя поднял-

ся, расправил на лице морды складки, понюхал воздух вокруг и потрусил метров на десять в сторону. Там, в пыли, он нашёл засохшую куриную косточку и наклонился с мыслью употребить её в пищу. В это время клюющий носом примат, как ниндзя из засады, свалился с дерева, подлетел сзади к четвероногому другу человека и со всей дури, ухватив их обеими лапами, дёрнул яички бедного животного вниз. От боли собака подпрыгнула на полтора метра, перевернулась в воздухе, шлёпнулась на землю, подняв облако рыжей пыли. Сонную тишину деревни разорвал дикий вой боли и рычание звериной злобы. Пёс метнулся за обезьяной, брызжа слюной и выкатив красные глаза. Не догнав вернувшегося на исходную позицию садиста, он ещё минут десять заливался лаем и подпрыгивал, стараясь достать свисающий хвост маньяка. Примат сидел на ветке, свесив расслабленную пятую конечность, которая висела так, чтобы униженный потомок волков не мог её достать, но совсем немного. Пес в бешеном энтузиазме продолжал попытки, пока силы совсем не покинули его. Обезьян нагло хохотал человеческим смехом и хлопал, как ребёнок, в обезьяньи ладошки. Потом обессиленная собака затихла и свалилась в пыль. Тишина вновь окутала звенящим зноем расплавленное сонное царство. Дэ обернулся к Ишвару.

– Чего это они не поделили, ты про это явление говорил? Во, блин, бандерлог чуть собаку не кастрировал, в принципе, смешно.

– Смешно, наверное, не каждый день обезьяны собакам яйца отрывают... Да, и не везде в мире, такое происходит.

– А ты откуда знал, что это произойдёт?

– Посиди полчаса, посмотри, что дальше будет.

Дэ попил ещё водички, восстанавливая водно-солевой баланс организма, голова стала соображать яснее. Они ещё поболтали с хозяином Бара о русских туристах, не заметивших новый полицейский блокпост возле Арпоры и снёсших его в три часа ночи мотоциклами. Порадовались, что обошлось без жертв с обеих сторон. Оценили перспективы русского нашествия в следующем сезоне и последствия этого процесса, как положительные, так и отрицательные. Прошло минут сорок...

Пёс, как будто подчиняясь приказу сверху, нехотя поднялся, расправил на лице морды складки, понюхал воздух вокруг и вспомнил про забытую заначку. Он отыскал косточку и уже наклонился с мыслью употребить её в пищу. В это время клюющий носом примат, как ниндзя из засады, свалился с дерева, подлетел сзади к четвероногому другу человека и со всей дури, ухватив их обеими лапами, дёрнул яички бедного животного вниз. От боли собака подпрыгнула на полтора метра, перевернулась в воздухе, шлёпнулась на землю, подняв облако рыжей пыли...

– Что это было? – Повернулся к подсчитывающему выручку в кассе хозяину питейного заведения, Дэ.

– Я уже три дня думаю, что это такое. Может, ты пой-

мёшь? Начинается обычно около двенадцати и так каждые сорок пять минут, может час, повторяется, потом в шесть часов прекращается. Собака уходит куда-то, обезьяна в стаю возвращается, что в роще на берегу поселилась..., а на следующий день, к полудню, как на работу...

– День сурка какой-то получается, фильм такой был. Там человек каждое утро просыпается в одно и то же число и всё повторяется сначала, только там – день, а здесь час. И там человек пытается что-то изменить, попробовать разные варианты продолжения событий, а здесь, кажется, всех всё устраивает. А вы точно их ничем таким не накормили? Может, туристы наркоты подсыпали?

– Ну, да и так три дня приезжают к одиннадцати, ловят собаку, потом обезьяну, вдувают им в нос кокаин, какой-нибудь и так далее...

– Странное всё-таки это место... – после некоторой паузы произнёс Дэ. – Ну, люди приезжие здесь с ума сходят, это понятно, энергетика другая, наркотики опять же. Но у собак по определению ума нет, им сходить не с чего, а ведь сходят. Что за симбиоз такой, может, они от этого обоюдное удовольствие получают?

– Я твоих слов не понимаю, мы здесь все рыбаки, науки нам не нужны. Мы по-другому понимаем. Мы не понимаем, мы чувствуем, видим и знаем. В них духи вселились, и не просто так, это знак кому-то. Может и тебе, раз ты сейчас заехал..., но это моё мнение, ты можешь не верить.

– Что-то я не могу расшифровать такие знамения, нет у меня никаких ассоциаций, когда вижу, как обезьяна собаку за яйца дёргает.

– Ты подумай, может, вспомнишь, чего-нибудь. Я слышал, есть у русских выражение: «наступить на ту же кирку», а может, всё это ерунда, ты плюнь. Как твоя жена, рожать будете здесь, или в Москву поедете? – Сменил тему Ишвар.

– Здесь, конечно..., как ты сказал, «те же грабли»? И здесь по кругу... и по яйцам... интересно, интересно, надо подумать. Ну, ладно, давай, удачи. Я поехал.

– Ты посмотри, посмотри, какие у пса яйца, этот гадёныш ему их за три дня знаешь, как оттянул...

Пёс дремал, вытянувшись, на боку, мошонка его, действительно, была неестественно увеличена и лежала рядом с собакой в рыжей пыли. Обезьян сидел на ветке, клевал носом, тыкаясь в собственные коленки. До завершения часового цикла оставалось несколько минут.

Вася, который сам растит

Вхождение Васи в Гоа было каким-то незаметным, не сильно выдающимся. Зато потом он расцвел, раскрылся и стал, довольно знаковой фигурой в этом странном полумистическом уголке Земли. Он привез сюда жену с дочкой, жену от предыдущего брака, кучу друзей и еще большую кучу баулов, свертков и мешков с одеждой марки «Хэмп», сделанной из конопли – остатки былой роскоши, а также бывшего российского бизнеса, которым он занимался в славном городе Самаре, имея там одноименные магазины. Там, на Волге, он вел вполне нормальный размеренный образ жизни постсоветского бизнесмена средней руки с непременными пятничными загулами в клубах, рыбалками на выходных, летними выездами в Анапу или Крым, а с образованием дырок в железном занавесе в Турцию и Египет.

И так бы ему и жилось, и можелось, не встретить он на пути своем друга по имени Олег и, что еще удивительней, фамилия будущего друга была – Кураваркин. Удивительно потому, что фамилия Васи звучала, как Кураваров. По такому замечательному поводу они направились в клуб «Звезда», где и нажрались водкой «Триумфальная». Как говорится – денежка к денежке, подруга к другу, или наоборот, но сучающая за соседним столиком весьма самостоятельная молодая дама приятной наружности с сексуальным блеском в гла-

зах через тридцать минут корректных переговоров также была включена в список отмечающих историческую встречу и даже посажена между мужчинами под тем предлогом, что по фамилии и духу они вполне могли считаться тезками, а может и братьями, а может даже близнецами, в тот момент они еще не разобрались.

Пинок под зад, нанесенный судьбой, от которого эта троица оказалась в данном месте и в данный момент, имел более серьезные последствия. Новоиспеченные приятели отнесли к обмыванию с настоящей русской ответственностью, и через два часа пребывания в Развлекательно-Культурном Центре Лена решила от греха увезти новых друзей оттуда, ибо поведение их соответствовало только первому слову в названии центра, а слово «культура» из него можно было убирать. Она сложила их на заднее сиденье своей «Нивы» и попыталась развести по домам. С Олегом у неё это получилось – он жил неподалеку и смог членораздельно выговорить свой адрес. С Васей дело обстояло сложнее – он спал и мило улыбался во сне похотливой улыбкой джинна, предвкушающего бурную ночь после тысячелетнего воздержания в тесном кувшине. То, что браки заключаются на небесах, вам подтвердит любой батюшка в церкви, но он не станет рассказывать о состоянии брачующихся, у христиан оно чаще отдает ароматом ранее употребленных спиртных напитков...

Развод и новая свадьба произошли как-то сами собой, без

лишних условностей и разборок. Более того, отправленная было в отставку первая жена Ольга, с Леной стали не просто подруги, а практически полноправные жены и воспитатели родившейся через год дочери, которую, не мудрствуя лукаво, назвали Василеной, просто сложив имена родителей.

Однажды, отдыхая на Волге с семьёй и Олегом, они забрались на небольшой островок, разбили палаточный лагерь и две недели жаркого августа посвятили рыбалке, пьянству, купанию и нанесению загара на различные места тела, в том числе и скрытые в обычное время нижним бельём. Как-то вечером, когда на «стрелку» вышли комарики, Вася надел длинные штаны, взятые из своего магазина, с большим лейбаком на кармане, изображающим конопляный лист – эмблему фирмы «Хемп». Реакция Олега на подобное изображение, подогретая все той же водкой «Триумфальная», не вызвала у обладателя штанов удивления, потому что он тоже принял «на грудь», чем вскрыл в себе дух экспериментаторства, и без того ему присущий, но задавленный бытовыми и трудовыми заботами по будням.

– А ты хоть врубаешься, что у тебя штаны из «дури» пошиты? – спросил Кураваркин.

Вася знал, что коноплю курят и даже пробовал, как большинство мужского населения России, выполняя свой «почетный долг и обязанность» в рядах доблестных вооруженных сил. Но тогда ничего не почувствовал, кроме головокружения, а последующее блевание, интенсивность которо-

го определил как «дальше, чем видишь», полностью отбило у него желание возобновлять попытки. Но все плохое когда-то стирается из памяти, освобождая место подвигу и мыслям о том, что вот еще раз, и точно получится, у других же получилось...

– Да, но курить их, смысла нет. – Ответил он, – Кто их шил, тот оттуда уже весь кайф химически вытянул, сука. Даже на этикетке написано, типа: «Но смокинг, плиз, беспонтово это эбсолютли...»

– Гонят, если бы они так не написали, им Минздрав, хрен разрешил бы их продавать в России.

– Не, Минздрав по-русски с трудом пишет, ты видал, какие там деды наше здоровье охраняют, они уже и русский-то скоро в маразме забудут, потому, раз австралийцы написали, знать, правда, те врать не будут.

– А я говорю – гонево это все. Мажем на литр, что вставит?

– Ну, мажем... – Кураваров пытался при этом сообразить, каким образом они будут доказывать друг другу свою правоту.

– Вот смотри, – Олег одним рывком оторвал задний накладной карман с этикеткой. – Нет, пожалуй, этот кусок не пойдет, маленький, ты говорил они, химики, оттуда алкалоиды уже отсосали, да и лейбак капроновый, хрен отпорешь..., а с ним курить – отравимся нафиг.

– Да уж, – Вася уже определился с ситуацией, – нож давай.

Он надрезал одну штанину ниже колена и вдоль шва, и попытался оторвать.

– Вот, сука, крепкое какое растение, хотел, не снимая... Штаны были сняты, штанины отрезаны, жены заняты кто ребенком, кто приготовлением ужина и не обращали на приятелей внимания. Вася, надев остатки штанов, критически их разглядывал, соображая, к какому роду одежды отнести получившуюся модель. Олег, разглаживая вырученные куски материи, предвкушая возможный в будущем кайф, обдумывал метод, которым следовало употребить их вовнутрь с наименьшими для здоровья последствиями и наибольшим наркотическим эффектом.

– Между прочим, не хилые бриджи вышли, вещь в гардеробе ценная по нынешнему жаркому лету, – громко, чтобы слышали женщины, продекламировал новоиспеченный модельер. – Да, и модная вышла, края рваные, как сейчас носят...

– А без кармана просто «Гучи» какие-то..., – дополнила Лена, соображая, чего бы такое сшить для дочери из получившихся довольно больших кусков материала, – А из этих кусочков я Васеленке... и лейбачок давай отпорю, представляешь, как такой листочек на детском комбезике смотреться будет...

– Ага, прогрессивная ты моя, бери карман с этикеткой и на кухню, а то ты нам всю чистоту эксперимента портишь. Кураваркин тем временем набрал в котелок углей из кост-

ра, скомкал одну штанину, положил на тлеющие угли и, накрывшись брезентовой штормовкой вместе с котелком, начал усиленно вдыхать дым от занявшейся тлением материи.

– Я где-то читал, что наши предки, как их там, скифы, что ли, такой метод изобрели, – донеслось из-под куртки, – они траву на раскаленный щит бросали, вдыхали дым и таким образом торчали, хитрецы.

– Ты там все не выдыши, скиф потомственный, еще мне и девчонкам оставить надо, – постучал его по плечу Вася. – Вообще-то с них начинать надо было: и по этикету положено дамам в первую очередь, да и вдруг это отравка какая-нибудь, зачем же сразу на себе, им бы дали... и посмотрели потом.

Солнце завершало отработанный за миллиарды лет, и каждый раз такой неповторимый ритуал с грустным названием «закат». Двое мужчин и две женщины в полной магической тишине, нарушаемой лишь редкими всплесками играющей на вечерней зорьке жирующей рыбы, заморожено вглядывались через реку в бескрайнюю, не раз топтаную скифскими конями волжскую степь. Конечно, дым от догорающих Васиных штанов фирмы «Хемп» не дал ожидаемого воспаленным алкоголем мозгом эффекта. Но случившийся вдруг эффект превзошел все ожидания. То ли звезды так встали в этот вечерний час, то ли великое таинство природы в виде заходящего солнца, то ли все-таки в конопляных волокнах еще содержались остатки тетрагидроканабинола, а может, все эти факторы, сложенные вместе, произве-

ли в мозгах этих жителей планеты Земля такую химическую реакцию, но с этого вечера жизнь их радикально изменилась. Их осенило, вернее, отсинило, то есть отвратило от «синьки», или, проще сказать, они перестали с этого момента «синячить», а по-русски – бухать или употреблять алкоголь.

Вот так для этих жителей планеты Земля началась новая, не всем понятная жизнь. Странная до такой степени, что множество друзей покинуло их, появились новые, еще более странные, чем они сами. Вася закрыл в городе все магазины, купил полноприводный мотоцикл «Урал» с коляской 57-го года выпуска, абсолютно новый, весь в смазке, полвека хранившийся на армейских складах. Разжился по случаю сварочными очками, в которые вставил стекла разного цвета – одно розовое, другое зеленое. Постригся на манер монаха-капуцина, а из оставшихся по бокам волос сделал себе рожки, стянув их резинкой, которые, впрочем, больше напоминали беличьи ушки с кисточками. И в таком виде на пару с неизменным другом они стали завсегдатаями транс-психоделик-техно-и-т.д.-фестивалей, тусовок, пати и прочих мероприятий данной направленности от Сарочан и Казантипа до Ибицы и знаменитых гоанских «опенэйров». Конечно, Ибица и Гоа не имели счастья наблюдать великое достижение советского мотоцикlostроения, технически очень сложно и финансовоёмко пересекать государственные границы на советском мотоцикле, выпущенном полвека назад. Но «Незалежная» Белоруссия и родные психоделические

просторы хорошо запомнили «боевой экипаж» самарских «братьев» с белочкой в сварочных очках, одно стекло которых было розовым.

Именно поездка в Гоа на «Фул Мун Пати», организатором которой по традиции был возмутитель московского попсового спокойствия и благоденствия Тимур Мамаев, вписавший свое имя в историю мирового трансового движения большими буквами DJ Икс Пи, и стала определяющей в Васином решении перебраться жить в Индию. Вернее, в маленький, зажатый между двумя большими штатами, штатик, который Индией-то стал лишь в шестидесятые годы прошлого века. А до этого принадлежал Португалии, в отличие от остального полуострова Индостан, где хозяйничали англичане. А своё прозвище, Самрастит, которое некоторые считают фамилией, Вася впоследствии получил... Но об этом немного позже...

Размышления

«Фреш чикен»

Здесь, в отличие от остальной Индии, белый человек не является сахибом, то есть хозяином, царем или Богом. Скорее, это бледное существо можно считать странным пришельцем из другой цивилизации, где-то равным, где-то по-жестейски глупым, хотя и довольно полезным. Некоторые называют его белым жирным кошельком на ножках. Особая польза от этого вида хомосапиенсов ощущается в первые два-три дня пребывания на гостеприимной гоанской земле. Пока загар или обгар, что случается значительно чаще, не покрывает выдающиеся части тела, в гоанском народе эта разновидность называется «фреш чикен», то есть «курица свежая». Благодаря её свежести она наивна и жизнерадостна, часто хватается за напузную сумку, в которой хранит столь знакомые зеленые бумажки с изображениями дебиловатого вида мужиков. Меняет их на нормальные рупии с портретом дедушки Ганди на купюре любого достоинства по курсу, который можно взять с любого обшарпанного потолка. Чикен платит всегда и платит хорошо, не задумываясь о сумме. Он покупает весь или частично пакет экскурсий, главное для принимающей стороны в лице улыбающихся русских и рус-

скоговорящих гидов – сделать серьезное лицо и, заглянув в свой блокнот, с умным видом заметить, что с завтрашнего дня экскурсии дорожают, или осталось всего несколько мест, или, если вы берете все сразу и сейчас, вам будет скидка, или, или... фантазии работников туриндустрии нет предела.

Главное, не упустить ту степень «фрешности», которая присуща русскому «чемоданному» завсегдатаю «Тез, Тэс или Санрайз туров», нетвердым шагом спустившемуся по старенькому трапу во влажную душную утреннюю прохладу аэропорта Даболим. Как говорит президент одного из подобных турмонстров, открывая сезон в октябре: «Чу, я слышу баксов шелест, лох в Гоа пошел на нерест».

Момент следует не упустить, ибо семичасовой перелет после посещения домодедовского «Дьюти фри» располагает к ополовиниванию приобретенных там за доллары запасов. Потому что бывалый сосед по креслу, не первый раз летящий в загадочное «туда», объяснил, что «там» бухло «ваще задаром», то есть семилетний ром «Старый монах» – два с небольшим доллара за литр, а портвешок, они же там «слегка Португалыцы», и того меньше.

Далее «чикена» следует выдержать, желательно не меньше часа. Для этого хорошо иметь автобус побольше, соответственно, и народу, который надо развести по разным гостиницам. Народ разбредается по окрестностям в поисках туалета, где и на что купить воды, поплевать и так далее... Когда собранные, наконец, туристы рассядутся, им следует прочи-

тать лекцию об использовании при чистке зубов только бутилированной воды. Вреде обращения в местные экскурсионные агентства. Мытье фруктов с мылом. Полного снятия с гида любой ответственности (как будто она имелаась до этого) в случае взятия вами напрокат байка или машины, особенно не у тех, кого укажет он. Короче, если получится расположить его к себе и внушить, что ты для него друг, учитель и брат, а так же проводник, сталкер и ведущая сила в этом ужасном, полном микробов, ядовитых электрических скатов и «алчных индусов» мире, то отдых его получится незабываемым с точки зрения комфорта, здоровья и впечатлений. Если же он не усвоит этого своими фреш куриными мозгами, то пусть пеняет на себя, потому что те ценные дефицитные денечки своего отпуска он потратит в лучшем случае бездарно, скучно и принимая горы таблеток, а незабываемыми их сделает понос, который будет мучить его всю оставшуюся жизнь.

Если у гида это получилось – он хороший гид, настоящий мастер своего дела, и люди тянутся к нему. Благосостояние его растет, статус повышается, а к концу сезона вдруг появляется мысль: а не бросить ли все это нахрен, сделать годовую бизнес визу, снять гестхаус у моря, поставить бамбуковый ресторанчик-шек и возить себе народ по десять-пятнадцать «окочурившихся президентов» за ночь. Ведь оперившийся чикен, если мозги у него не остались все на том же фрешуровне, вряд ли поедет в Гоа еще раз через турагент-

ство, а позвонит ему, другу и сталкеру, практически местному жителю. И тот сделает уже бройлеру визу, закажет билет, встретит на такси в аэропорту. А вечером в чилауте своего шека устроит пати по поводу вновь прибывшего старого знакомого с непременно чаломом и рассказом, какой в этом году урожай в Непале. А так же где найти Васю Самростита, ибо лучший гашиш, который он делает своими руками, можно купить только у него. Он поведает о новом только что открывшемся русском центре Йоги на Мандреме. О частном русском детском садике «Солнечный круг», который организовали подмосковные ребята Лёша с Ларисой. А так же где будет проходить очередная «закрытая» вечеринка с таинственным названием «пати», регулярно устраиваемая овеянным легендой Тимуром...

Жизнь постепенно налаживается, и странное спокойствие проникает в душу, утомленную гонкой за этой жизнью...

Наверное, так Индия пускает в неё свои корни...

Барабан

Как все наивные белые, я тоже считал его музыкальным инструментом, по которому следует от всей души самозабвенно барабанить. Кроме того, послунявленным большим пальцем из него можно извлекать куда более дивные звуки, проводя по натянутой коже. Звуки эти напоминают рыгание слона, решившего завязать с вегетарианством и глумливо нажравшегося мышами. Но звук – ничто перед главным его достоинством, тем, что это гениальный по своей сущности сувенир. На любом пляже, рынке или просто на улице к тебе обязательно кинется улыбающийся, как будто он только тебя всю жизнь здесь ждал, а ты, подлый обманщик, все не ехал и не ехал, навьюченный десятками экземпляров этого народного достояния, юноша. А как чарующе индийцы произносят: «Пасматры, барабан, чип прайс, гут шанс, пасматры», и начнут сосредоточенно пукать об него большим пальцем. По местам скопления бледной румянящейся туристической массы прокладывают себе маршруты сотни и тысячи коробейников, нагруженных различными товарами «повседневного спроса». От оплывшего мороженого ценой в одну рублю (шестьдесят копеек по-нашему) до магических, передающихся по наследству ноу-хау аюрведического массажа, который вам сделают прямо тут же нематыми натруженными руками, залив вонючим маслом ваше же полотенце, а налип-

ший песок и соль от морской воды используя в качестве скраба для удаления лохмотьев шелушащейся кожи. Можно даже не упоминать о несметном количестве предложений очков от солнца, различных тряпочек с загадочным названием парео, карт Индии, Гоа и той деревни, где располагается ваш пляж, каменных слоников с эрегированными хоботами и различными приспособлениями для курения всего и вся. Шестилетняя девочка в условной одежде, на груди которой можно разглядеть весь рацион её питания за последние три недели, предложит вам рупий за десять выцветший и распухший от употребления на открытом воздухе томик Бегбедера в русском переводе. Её младший брат, одежду которого составляют лишь четки из деревянных бус на поясе и засохшие по всему лицу сопли, не отставая от сестры, притащит половинку книги на иврите, судя по фотографии Вячеслава Тихонова в треуголке на остатке обложки задуманную издателем как роман «Война и мир». Но большее уважение, граничащее иногда с раздражением, вызывают именно разносчики ритмической основы индийской музыки. Похожие на корабли песков, они уныло бороздят бескрайние просторы пляжей, оживляясь, лишь пристав в прямом и переносном смысле к разбросанным островкам компаний отдыхающих. Если составить все эти обтянутые с двух сторон кожей пустотелые чурбачки, продаваемые на ста десяти километрах пляжей один на другой, возможно, получится шест, похожий на бамбуковый, достигающий до Луны. Но не будем ущемлять нацио-

нальное достоинство индийцев, издеваясь над любимым народным инструментом. Тем более, что мы можем сколько угодно смеяться над этим, но хорошо смеётся тот, кто устав после жаркого трудового дня, подсчитывает вечером выручку. Ведь начальная цена предложения превышает отпускную до десяти раз. И «свежий чикен», ориентируясь на привычные ему курортные цены, особенно европейские, покупает, вяло поторговавшись и скинув цену всего в два раза. Вот оно истинное рыночное воплощение дружбы народов, мы радуемся дешевизне, они – тому, как удачно произвели коммерческую сделку и избавились от громоздкой безделушки, да еще за такие бабки, и все рады. Так что относитесь к индийскому барабану с большим уважением, это не только инструмент, из которого можно извлекать звуки или использовать в качестве маленькой табуреточки, это кормилец и основа жизни миллионов жителей нашей маленькой планеты. И тех, кто точил болванки из древесины. И тех, кто обтягивал их кожей. И тех, кто, напоминая собой смесь ударника барабанно-торгового труда и выючного животного, под палящим солнцем бродил по десяткам километров пляжа. Заботясь, чтобы вы не забыли приобрести его, а дома, взяв его в руки и подойдя к окну, глянули на заснеженный внизу двор и, послушав палец, попробовали извлечь странный гудящий звук. Звук всё равно не получится таким, как у профессионалов, но воспоминания нахлынут на вас, закружат и унесут за шесть тысяч километров, в странный, удивительный мир

планеты Индия.

В каком-то городе на Кубе есть памятник велосипеду. Павлов от имени всего человечества поставил памятник замученной собаке. Я бы на месте Министерства туризма и культуры штата Гоа не пожалел денег, благо золото в Индии довольно дешево, отлил бы из него статую, изображающую индийский барабан, в пару метров высотой. И поставил бы его на площади аэропорта, чтобы он встречал и провожал нас, а из динамиков на всех языках мира по очереди раздавалось: «Пасматры...».

«Чало» – слово сокраментальное

Когда вас совсем достанут местные коробейники, торговцы и попрошайки, их желательно послать, причем, степень дальности посылания должна быть прямо пропорциональна степени доставучести посылаемого объекта. Возможно, в великих и могучих индийских языках имеется немало выражений, предназначенных для этого действия, но достаточно выучить одно – ЧАЛО. И всё Гоа вас прекрасно поймет. В зависимости от выражения вашего лица оно может обозначать от ласкового «...отстал бы ты» до грубого «...да пошел ты на...». Степень и глубину посылы можно регулировать дополнительно жестами и лёгким рукоприкладством. Но ни в коем случае нельзя фальшивить. Гоанцы тонко чувствуют фальшь, особенно дети. И если они почувствуют её у вас, то могут воспринять это слово как ответный ход в международной игре под названием «Набебекай ближнего своего».

Когда к вам подсаживаются на пляже с предложением купить барабан, серебро или замечательную тряпочку с таинственным названием саронг, обычно можно обойтись необращением внимания на продавца и лёгким движением руки, как будто стряхиваешь со стола тыльной стороной крошки от себя. При этом «Чало» произносится утомленно и как бы между делом, словно вас оторвали от важного и серьёзного занятия – загорания. Если не действует, следует несколько

округлить глаза и уже более настойчиво произнести: «Чало, плиз!», сделав упор на слове «плиз». И так далее по возрастающей. Крайней стадии возмущения научиться не так легко, если вы не выпускник театрального училища имени Щепкина, не почитатель актёрской игры Любови Орловой или не любитель индийского кино. Эти три категории людей легко могут воспроизвести тот понятный индийцам энергетический посыл, необходимый для того, чтобы объект покинул вас, уступив место следующему, блуждающему вокруг и косящемуся в вашу сторону. В этом случае церемония повторяется, вы вспоминаете какого-нибудь «отъявленного мерзавца» из любимого вами болливудского фильма, снимаете солнцезащитные очки, чтобы коробейник лучше разглядел ваши гневные глаза, выкатываете их как можно дальше и кричите: «Чало, твою мать...», последние слова допустимо произносить по-русски.

Если вы ходите на один и тот же пляж, то дня через три к вам вообще никто не подойдет, кроме obsługi того ресторанчика, чьим лежаком вы пользуетесь. Ну, может быть, случайно забредший на чужую территорию новичок, не знающий, что белый сахиб или сахибка очень не любит, когда ему мешают принимать солнечные ванны. По мере приобретения вашей кожей сначала красного, а потом тёмного оттенка, напористость пляжных разносчиков падает, как это описано в разделе «Фреш чикен». Но это касается пляжа. На рынках – «Фли маркете», «Найт маркете» и бесчислен-

ных тибетских развалах, а так же оживленных улицах – приставалы в покое вас не оставят никогда. Тут это замечательное слово будет вам верным помощником и путеводной звездой в толпе желающих приобщиться самим и приобщить вас к международным финансовым отношениям путём изъятия у вас небольшого количества денег, ведь у них каждый день «Но бизнес тудей!».

Просветленные

В Индию принято ездить за просветлением, пониманием, ответами на глобальные, гнетущие вас вопросы. Некоторые находят то, что искали, такие несут знания в себе, чтобы обдумать, переварить и понять, а следует ли миру знать то, что они открыли в себе. Некоторые делают вид, что все поняли, а некоторые полагают, что нашли ответы и теперь в их обязанность входит объяснить это каждому встречному. Таких – большинство. Они приезжают в ашрамы, живут там энное количество времени и выходят в свет абсолютно просветленными. Не будем касаться вопроса жульничества и мистификаций со стороны тех гуру, к которым приезжает народ, и степень вменяемости желающих просветлиться. Сюда едут, в основном, люди с «тараканом» в голове в ОБЩЕПРИНЯТОМ смысле этого слова, и не всегда последствия пребывания насекомых в голове имеют милый и приятный характер. И многие из них до или после своих экзерсисов попадают в Гоа, кто отдохнуть после и оттянуться «марочками», «каплями», «кристаллами» и прочими психоделиками. Кто-то по аналогии с уходом в монастырь или со свадьбой решает «в последний раз» «поторчать» перед приобщением к Великому. При встрече в аэропорту не узнать их трудно, они вам этого не дадут громкими голосами, белыми или рыжеватыми длинными одеждами. Если иностранные «просветлен-

ные» ведут себя тихо, широкой русской душе бывает обидно, что никто не замечает его избранности и причастности. Иногда это принимает гротесковые формы. На одном из «пати» в знаменитом «Вест энде», которое устраивал диджей Икс-Пи, в миру Тимур Мамаев, была, например, группа товарищей в шапочках, похожих на тибетейки, и с посохами. Они приставали к окружающим с вопросами: «А в какой реальности мы сейчас находимся?», ведь скоро им идти к Саи Бабе. Складывалось такое ощущение, что по окончании суточного «пати» они так же, спрашивая окружающих про реальность, и пойдут «ветром гонимы...» к знаменитому Бабе получать порцию просветления. А перед этим, съев по три дозы ЛСД, решили испытать степень своей тяги к свету двадцатичетырехчасовым психоделическим зависом.

Подобный «коллектив», возглавляемый молодой девушкой со светлым именем Аэлита, в течение нескольких дней развлекал укуренный народ в «Джус центре». Заказывая соки, они членораздельно обсуждали проблему физических неудобств при открытии «третьего глаза». Аэлита перемещала себя в пространстве, неестественно выпрямив спину, для чего она сделала высоченную прическу, утыкав палочками, которыми едят суши, и украсив лентами. Сопровождающие её по пояс голые молодые люди смотрели сенсейше в рот, стараясь уловить тайный смысл в обрывках фраз и чуть ли не записывая за ней высказывания.

– У вас ещё не чешется «третий глаз», это первый при-

знак, что он открывается! – Многозначительно вопрошала она.

– Во, во, у меня что-то такое было ночью. – Воскликнул юноша с горящими глазами.

– А у меня по ночам одни поллюции, – печально констатировал Вася Самростит, обращаясь к Игорю Ганди. – Жена в Рашу полетела с визой решать вопрос.

– Не страшно, – ответил тот. – У меня тоже были, когда моя улетала на две недели. Потом такое открылось с её приездом, три ночи уже не спим...

Сжигатели оранжевого бензина

Эта категория отдыхающих, приезжающих в Гоа, довольно обширна. Они могут ехать через турагентство в гостиницу или к осевшим русским в гестхаус, или просто в неизвестность: прилетим на месте разберёмся, или в самолете у народа поспрашиваем, где снять, почем...

Они берут в аренду машину или байк, еще в Раше из Интернета скачивают карту, по которой все равно ничего нельзя понять, разрабатывают маршруты на каждый день, планируют даже дни отдыха и валяния на пляже, посещения водопада, плантации специй, слонов, крокодилов. Прилетают... и все делают абсолютно по-другому. А объясняется это очень просто. Гоа не поддается планированию и логике в том смысле, в котором это понятие присуще русским, особенно москвичам, да и вообще иностранцам, белым, европейцам, форенерам. Гоа – это другое измерение, параллельная реальность, если вообще это можно назвать реальностью. Хотя люди там ходят, вполне живые и радостные. Их можно потрогать, поговорить с ними, выпить стандартного по вкусу, как все технологичное пиво в мире, пива с нестандартным названием «Кингфишер», что в переводе звучит, как королевский рыбак. Название стырено у природы, так называют довольно крупную птичку, которая изображена на этикетке. Один орнитолог, больше напоминающий ботаника, сказал,

что это зимородок, сваливший сюда пересидеть холода откуда-то из Сибири. Так что – наш брат. А может, тот орнитолог съел чего перед тем, как увидел птичку, здесь такое часто случается. Так вот, попавший на гоанскую землю изначально белый чел, особенно житель мегаполиса, с распечатанном на А4 плане изучения и освоения прилегающей местности первые два-три дня, пока еще носит обидное звание «фреш чикен», остается энергичным, пытливым путешественником. Далее задор его постепенно уменьшается, любознательность приобретает всестороннюю направленность, он начинает метаться между желанием сходить на «пати», выполнить пункт из утвержденного еще в Москве, на семейном совете, плана, купить уже другого «плана» и так далее. Листочки с распечаткой, если они из хорошей бумаги, уходят на мундштуки для джойнтов, самокруток. Возникает мысль, что его обманули, обещанные две недели тропического рая на самом деле – мгновение в сравнении с вечностью, пропитавшей пространство вокруг. И рыжий глаз заката, пристально глядящий в твой разум сквозь ресницы пальмовых листьев, шумящих вдоль обрыва у танцпола в «Найн баре» – не что иное, как глаз Бога, миллиарды лет с кажущимся безразличием наблюдающий за дивными творениями своими. И что же... как же... я уеду в свое слякотное, серое Чертаново или Бутово, а он..., а я...

Человек в диком, выдавливающем слезу восторге, прыгает в седло, прищипривает коня, и с оргастической улыбкой иди-

ота несется по петляющей среди высушенных зноем полей, условно-асфальтированной дороге. Мимо израильского ресторана с арабским названием «Фаляфель», мимо культового, знаменитого своими «пати» и концертами «Хилл Топа», мимо супермаркета «Оксфорд» и известного определенной категории людей «Интернет Кофешопа». И не важно, что коня зовут «Активa» и собран он на заводе Хонда в Японии, а бензин на нуле – в любой лавке за шестьдесят рупий вам нальют литр его, почему-то апельсинового цвета, цвета знаменитого гоанского заката.

Гомеопатия и Аюрведа

*«За наши грехи Бог послал нам два вида врачей,
одни помогают нам умереть, другие мешают
жить».*

Ходжа Насреддин

Читателям впечатлительным, задумывающимся лучше эту главу пропустить, потому что может так случиться, что по прочтению вы полезете в Интернет, разыскивая материалы на эту тему, а найдя, чего доброго, начнете читать, а уж прочитав... У автора нет родственников, работающих в медбизнесе, и ему глубоко «по барабану», придет в упадок индустрия предоставления медуслуг или нет. А уж на фармацевтику, особенно ту, чью продукцию мы вкушаем из наших аптек, тем более. Ибо сам когда-то снабжал их импортными препаратами и так называемыми лекарствами, был грех, до сих пор не замаливается. Поэтому знаю и как, и кому, и какой приходилось выплачивать гонорар, чтобы именно твоя «шняга» «прохилияла». Сейчас, конечно, все подорожало, но в начале века, например, сертификат о том, что твоя соевая мука производится из генномодифицированного сырья, стоил, смешно сказать, шестьсот долларов. И продавали, и продают эту сою во все мясокомбинаты и цеха, и лопают народ, и радуется жизни, до поры. Некоторые дотошные звонили, правда: «... мы отдали вашу муку в лабора-

торию, ...хроматограмма показала...». «Да засуньте вы вашу хроматограмму вместе с хроматографом в...» – отвечали мы им. – «Посмотрите, чья подпись на сертификате, академик, светило, директор института..., уж у него-то хроматограф, «...кого надо хроматограф», а вы нам – там хромосомы скорпиона видны. Это вам видны, а им за шесть сотен мертвых американских президентов видны ваши бодрость и здоровье...» Как заедешь во двор института питания, одни «Геленвагены» да «Коены» сотрудников стоят, так что, каков институт, таково и питание, и, судя по автопарку, неплохое... у кого-то...

Я не просто так написал «индустрия предоставления медицинских услуг» сейчас, когда в мире наступает эпоха КОРПОРАТИВНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА, медицина становится не просто бизнесом, а бизнесом корпоративным. И как любому бизнесу, ему нужны клиенты, те, кто будет все это покупать. А как вырастить клиента, потребителя этих услуг, если он, не дай Бог, родился здоровым? Сейчас такое уже редко, но ведь случается. Ведь это только в рекламе бывает – жизнерадостный придурок из штата киностудии имени Горького с добрым взглядом и в белом халате вещает: «Я доктор Прапорщиков, дантист высшей категории. Говорю вам, как на духу – в мире стоматологии совершен переворот. Выпущена зубная паста „Хренодент“ с содержанием хрена в газообразном состоянии. И уже на двенадцатый день вам не понадобятся ни врачи, ни паталогоанатомы, поэтому я теперь,

нахрен, не нужен, отправляю семью в деревню к бабушке растить хрен, а сам иду собирать бутылки». И ведь верит народ, что и правда чего-то там изобрели новое, и вот это новое им сейчас как поможет, так все поликлиники придется закрывать, а врачей в узбеки к Лужкову определять для уборки улиц. Поликлиники, действительно, лучше закрыть, ибо вреда от них больше, чем пользы. Это с точки зрения нормальной логики. Но «польза» для медицины в целом, я имею в виду официальную медицину, – это самый главный враг. Больной врачу нужен, и лечить его нужно, только вылечивать нельзя, иначе он выйдет из числа клиентов. Поэтому ему надо на время облегчить течение болезни, заглушить её симптомы, но обязательно так, чтобы он пришел ещё, и ещё, и ещё... Я не беру в расчет поликлиники, где врачи отрабатывают рабочий день и ненавидят своих пациентов за их существование. Туда и контингент приходит малоимущий, в основном бабушки, и врачи такие же. В бутовской районной есть такая Соня Самуиловна Ренкель, как выписывала от аллергии тридцать лет назад «Супрастин», так и до сих пор его всем выписывает, то ли из-за возраста названия других забыла, то ли патриот венгерской фармацевтики. А купить его можно только где-нибудь в деревне под Серпуховым, дешевый слишком для Москвы, невыгодно, если его вообще выпускают ещё. Я имею в виду коммерческую медицину. Врачей не осталось, теперь одни специалисты, а лечить не болезни, а человека надо.

Итак, промоушен промоушеном, реклама рекламой, но клиента надо вырастить, воспитать и внушить ему и его близким, что он без их медицины никто и ничто, и болеет всем подряд, и помереть может от кариеса. Вот для этого и нужна вакцинация. Она, правда, не только для этого нужна. Это к тому же отдельный бизнес и очень выгодный. Не зря же производители вакцины для прививок платят огромные деньги, чтобы выйти на этот рынок. Ребёнок, появившись на свет, в первые часы своей жизни получает кроме естественного шока ещё кучу подарочков от людей в белых халатах: и в глаз капнут, и БЦЖ вколют, и АКДС, вот только почки потом отказывают, но для этого есть специалист «по почкам», он вылечит. Или в мозгу изменения начнутся, но тут уж извините, есть допустимый процент осложнений...

На одном весёлом сайте по предоставлению платных медицинских услуг читал и радовался за будущее поколение, оказывается, теперь стало проще – пять прививок в одном флаконе, и последствия от этого «хедэндшелдера» «...ребёнок будет переносить лишь раз...», хорошо бы, не последний. Вот такой у них юмор, почему-то вспомнился фильм «Жмурки»...

В Америке в начале восьмидесятых, когда она ещё не была столь залеченной и ожиревшей, даже уволили с работы министра здравоохранения за то, что он опубликовал статистические данные по вакцинации. Оказалось, что

из привитых заболело четырнадцать с половиной процентов, а из непривитых – пятнадцать. Казалось бы, прогресс налицо (полпроцета), но выяснилось, что от осложнений после прививок умерло приличное количество народа. А уж от каких возникших хронических болезней и осложнений пришлось лечиться выжившим, ему сказать так и не дали. Возникает мысль, что будет человеку, изобредшему лекарство от СПИДа, думаете, Нобелевская премия? Его убьют нахрен, чтобы бизнес не портил, ведь лекарство это нужно только больным, а профильному медбизнесу это вешалка. А больной в медбизнесе – источник, корова с выменем, полным молока. Ведь у медиков тоже есть дети, которые его любят. Кстати, дети у многих медиков, имеющих дело с последствиями вакцинации, ходят не привитыми, к чему бы это?

Вот тут и возникает вопрос, куда податься и к кому обратиться несчастному с багажом наследственных хронических болезней, заложенных ещё вакцинацией прадедушек и прабабушек, человеку? Ведь сейчас такое разнообразие всевозможных заведений, где можно подлечиться. Только плати, и таблетку дадут с авторитетным названием «Кремлёвская», и клизму двадцатилитровую с какао из экологически чистых районов бразильской сельвы поставят вкупе с диетой из листьев одуванчика по французской системе. Таблетка ещё никого не сделала даже обладателем кабинета в одноименном комплексе зданий в центре Москвы, тут лучше в обратном направлении действовать, сначала кабинет, потом таблетка.

Клизма, наверное, приятней салатов из весеннего цветочка, некоторые потом всю оставшуюся жизнь продолжают ставить и даже получают от этого удовольствие. Это уже само по себе полезно, но хронические болячки не проходят. Люди обращаются к Аюрведе.

Аюрведа – великое искусство, в названии которого упоминается слово «ведать», то есть «знать». По приданиям, это знание дано людям Богами – как жить, кого любить, чего есть, чем вылечить возникший в организме дисбаланс. И знаниям этим не одно тысячелетие. А возникло оно ещё до цивилизации Ариев. Когда-то могущественное учение о жизни, сейчас почти забытое, становится опять же элементарным бизнесом. История его закончилась тысячу лет назад. Да, до этого были попытки организации централизованного здравоохранения – первые госпитали в городе Хараппа. Потом приходили завоеватели, Арии, различные Мамалюки со своей арабской медициной, тоже сильной для того времени. Китайцы, тибетцы, англичане добавляли своего, отодвигая «устаревшее» на задний план. А иногда и запрещая. Аюрведа перестала развиваться, написанные на санскрите манускрипты, спущенные богами сверху, убрали в долгий ящик, где они и лежали без теоретического и практического применения. Возможно, где-то как-то из уст в уста что-то кому-то и передавалось. Однако, сейчас выпускники аюрведических колледжей, основных поставщиков аюрмедицинского персонала, простудившись, бегут в аптеку за антибиоти-

ками. Что может сделать выпускник такого колледжа, прочитав, к примеру, над вашей пропитой печенью мантру. Которая, якобы, своими вибрациями вызывает в его подсознании ассоциации. Которые, в свою очередь, наводят его на мысли о том, нужном для вашего лечения растений. Может быть, кто-то и умеет использовать это знание на более-менее значимое количество процентов, но, в-основном, мы применяем её как вспомогательное профилактическое средство, средство реабилитационного периода. Не зря же одно из основных постулатов Аюрведы звучит, как: «Если вы правильно питаетесь, то лекарства вам не нужны, если вы питаетесь неправильно, то лекарства вам не помогут». А где вы видели россиянина, особенно москвича, который питается правильно? В больших городах правильно питаться просто нечем. Поэтому используем мы сейчас Аюрведу, как ребёнок, которому купили последний навороченный компьютер, а он играет на нём в «бродилки». Неплохо, но этот компьютер ещё кое-что может, только ребёнок не знает, какие кнопки жать, чтобы получилось. Вот и покупаем в безумных количествах пузырьки с порошками из различных растений: что-то для секса, что-то от запора, что-то от общего недомогания. Это все очень полезно. Надо помнить только, что не все травы так уж безобидны. Что ложкой больше, ложкой меньше – хуже не будет. К тому же, индийцы с детства «сидят» на них. А мы накупим десяток упаковок «Тентекса роял» и в койку после пары капсул. Эффект хороший,

но это не средство от импотенции, это усилитель ощущений, набор трав, растительная смесь известных с древности афродизиаков. Эффективен он в течение нескольких часов, а вылечить от импотенции не может. Да, и не забывайте про наступающую эпоху **КОРПАРАТИВНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА**, когда нравственные принципы где потихоньку, где га-лопом уступают место жажде наживы и беззастенчивым рекламным понтам. Вам могут такое подсунуть в красивой упаковке, что потом сам не поймешь, от чего лечиться: от поноса или золотухи. Посему, аюрведа на том примитивном дикарском уровне как потребителей, так и продавцов хороша, как дополнение, а не как основное лечение болезней. Поэтому, Боже вас упаси верить рекламным зазывалам «...мы лечим все болезни, приезжайте на лечение, пролечим вас, мало не покажется...», никого Аюрведа не вылечила. В ней надо родиться, вырасти и жить по законам Аюрведы, тогда будешь здоров (а), красив (а), и противоположный пол будет от тебя в восторге.

«Лечение болезней», именно во множественном числе, больше подходит официальной, традиционной, как она себя считает, медицине, или по-научному – аллопатии. Медицина же, логически более объяснимая, не лечит болезни, она исцеляет человека и рассматривает его как целостную личность, со всеми его недугами и душевными проблемами. Основы и принципы её близки и Аюрведе, и Акупунктуре, и многим другим восточным медицинам и практикам. Такая

медицина называется – гомеопатия. Как сказал один знакомый кришнаит и знахарь аюрведы, она ведь тоже лечит «тонкое тело», энергетику человека. Мудрость и правомочность её доказана более чем двухсотлетней практикой выдающихся врачей, начиная с великого Самуэля Ганнимана. Гомеопатия сумела преодолеть и сейчас преодолевает такие трудности, какие и генетике не снились, и количество Лысенко на её долю выпало куда более. По незнанию предмета мы думаем про гомеопатию, как про заговоренную очередным экстрасенсом собственную фотографию, которую надлежит повесить в угол, куда раньше пристраивали икону, и она «типа» поможет. Я помню, как в детстве на перемене бегали в гомеопатическую аптеку на Садовом возле кинотеатра «Форум» и покупали картонные коробочки с белыми сладкими шариками. Сахар и сахар, все на один вкус, стоили недорого, родители смеялись, ешь, хуже не будет. Мы старались каждый раз выбрать новые, хотя по вкусу они все были одинаковыми. Но мы ухитрялись различать вкус, вот дураки. А теперь я думаю – и откуда у меня тридцать три года была аллергия, которую только сейчас сумел вылечить, причем, гомеопатией. От аллопатии она отличается практически всем, если первая объявляет болезни войну и начинает «мочить» её мощными лекарствами в немеренных дозах, то вторая не воспринимает болезнь как главного врага, а считает проявлением общего сбоя в правильной работе организма, допустившего в себя болезнь и давшего ей в себе развиваться. Что есть причи-

на, а что следствие? Поэтому надо не лечить болезнь как таковую, а правильно определить, в каком месте в вашей естественной природной защите произошла слабина. Где и когда произошел прорыв в «крепостной стене» вашего здоровья. Это место и надо укрепить, активировав сами защитные силы организма в этом направлении. Сей метод называется «Подобное подобным». Любителям выпить эта мысль тоже приходит в голову, особенно по утрам, только дозы у них не гомеопатические. И больше им нравится другой постулат – «Лучше два вечера, чем одно утро», но этот к гомеопатии отношения не имеет. Ведь оперирует эта наука веществами весьма токсичными, а иногда просто таки ядами. Вещества, вызывающие у здорового человека симптомы, схожие с теми, что вызваны болезнью, даются пациенту в ничтожно малых количествах, чем заставляют его организм бороться с ней. На самом деле, это наука, основанная на долгих наблюдениях и экспериментах, и огромную роль здесь играет личность врача. В гомеопатии, как нигде, результат зависит от доктора. Ведь с одними и теми же симптомами разным людям помогают разные препараты. И от правильности их подбора зависит результат. Болезнь не надо убивать, как это делает аллопатия, применяя ковровый метод бомбардировок по американскому образцу, когда, чтобы словить одного Садама, убили сотни тысяч человек, продолжая гробить своих и чужих. С ней надо дипломатично считаться, докапываясь, в чем первопричина, источник её. Для этого

надо быть и психологом, и учитывать особенности генетического кода, переданные нам родителями, и в болезнях разбираться. Индийская гомеопатия весьма авторитетна в мире, кроме индийцев, в Гоа практикуют и иностранные специалисты, перебравшиеся сюда, есть даже светила. Немаловажно, что в гомеопатию приходят, в-основном, врачи, прошедшие аллопатическую школу, знающие изнутри, что им придется исправлять. Конечно, на жуликов можно нарваться везде, но в гомеопатии жульничать сложнее, это не настолько коммерчески выгодное направление, потому что с каждым пациентом проводится длительная индивидуальная работа, весьма сложная и кропотливая. Поэтому гомеопаты не могут иметь большое количество клиентов. Но надо помнить, в какое время мы живем – эпоху побеждающего КОРПОРАТИВНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА, и вещи не технологичные, индивидуальные, не подлежащие массовому клонированию становятся или доступными для избранных из-за стоимости, или исчезают, задавленные коммерцией. Жалко, если это произойдет с гомеопатией... но есть ещё акупунктура...

От индусов до индийцев, и немного о нравах

Для того чтобы стать индусом, индийцем можно не быть. Пошел в Москве в кришнаитский храм, принял Кришну в свое сердце, и ты уже индус. То есть исповедуешь одно из течений в религии ИНДУИЗМ. Религия эта является титульной, имеет подавляющее число приверженцев. Однако называть индусами всех индийцев как-то неприлично, по крайней мере, безграмотно, ведь вы же не знаете, какого он вероисповедания. Представьте, если всех граждан России будут называть православными. Это особенно прикольно прозвучит на Пражском, да и на любом другом московском рынке.

Во всей Индии индусы составляют большинство, кроме Гоа, здесь девяносто процентов – католики, но индуизм постепенно восстанавливает справедливость, отвоёвывая обратно своих апологетов. Центром распространения христианства по Индостану считается находящаяся поблизости Керала, там миссионеры постарались не на шутку, но благодаря тому, что в состав Индии Гоа вошел лишь в конце шестидесятых, до того принадлежа Португалии, почвы для распространения других религий здесь не было, кто же допустит. Сейчас ситуация меняется, традиционное постепенно вытесняет привнесенное, так было и будет всегда, не без ис-

ключений, конечно. Гоанский католицизм, однако, очень силен и немного смешён, хотя смеяться над чужой религией нехорошо, но временами он выглядит комично. Как и в латинских странах, где Христос Христосом, а Вуду, шаманизм и прочие мистические штучки так же не помешают, здесь рядом с Девой Марией и Святым Франциском стоит Ганеш, или Кришна, или Шива, ну так, на всякий случай. Христианство вообще любит выставляться напоказ, любой религии нужен промоушен, но здесь это смотрится гротесково. Черненькие, маленькие, ну просто латиносы какие-то, проезжая мимо церкви, сбавят скорость и перекрестятся, создав на дороге затор. Выставленные в окнах китчевые гипсовые или пластмассовые статуэтки Христа и Мадонны с ежевечерним зажиганием им лампочки, чтобы соседи видели твою боголюбобоязнь и преклонение, напоминают детскую игру в куклу Барби с серьезным видом взрослого человека. Летящие на свет насекомые засиживают статуэтки, а гоанская «любовь» к наведению чистоты делают божественные лики еще более печальными и неопрятными. Вряд ли такое понравится европейским богам, индуистские привыкали тысячелетиями... Если среди читателей попадутся любители индийского кино, они не дадут соврать – в них, фильмах, нельзя даже целоваться, про прочие безобразия и речи нет. Целоваться и обниматься нельзя и наяву. Однако, как все эти ограничения сопоставить со статуями в храмах Каджурахо и трактатами Камасутры? Ведь могут же, если захотят.

Ту культуру создавала не совсем эта цивилизация, то были Хараппы. Потом пришли со стороны Ирана Арии. Принесли своё. Что-то изменили. Что-то запретили. Перемешали и перемешались. Если захотят, то еще как могут, количество детей здесь не показатель, но девушки, имевшие опыт с индийскими мужиками, говорят, что теории практикой подтверждаются, хотя все это вопросы индивидуальные. Ведь правильно говорят, что русскому – хорошо, то немке – «дас ист фантастишн...», поэтому некоторая излишняя озабоченность индийских мужчин, кем-то воспринимается, как приставучесть, а кем-то – как сексуальность. Это уже «хум из как», используя терминологию М. С. Горбачева. Но, наверное, размеренный образ жизни, абсолютное неумение куда-либо торопиться, более здоровое из-за простоты и еще не пришедших сюда в полной мере технологий производства корма для людей, питание, экология, уважительное отношение к учениям предков, включая те же Веды, в том числе, и Аюр, употребление более щадящих наркотиков вполне могут отличать индийцев от европейских мужиков.

Однако если говорить о Гоа, то здесь «...секса нет...». И ехать сюда надо с «самоварами». В отличие от юго-восточной Азии, где развит секс-туризм, здесь лучше не приставать к девушкам на улице – не поймут. Более того, если вы читали книгу «Гоанский синдром» и помните сцены, когда девушка инду забеременела от иностранца и радостно сообщила это подруге, а та за неё порадовалась, не верьте. Ре-

бёнка, рождённого вне брака не от мужа, в Индии за человека считать не будут. Его даже в школу не возьмут учиться. По словам индийцев, женщина не может родить, как «сука». У ребёнка должен быть отец. И это НЕ ДИКОСТЬ, это такие ПОНЯТИЯ. А врач в роддоме даёт подписку о неразглашении пола ребёнка до рождения. И в случае нарушения может загреметь на пять лет за решётку. От девочек с разрешением абортов стали избавляться – очень дорого потом выдавать их замуж. Приданное большое надо готовить. Когда-то в прошлом веке в южной части Гоа власти хотели оставить «секс-резервацию», старожилы помнят знаменитый Байна-бич, в котором можно было найти платную любовь. Представлял он из себя построенный из бамбука и пальмовых листьев подобие «чайна тауна», где стена разделяла не только комнаты в хижинах, но и сами шалаши друг от друга. При отсутствии в Гоа криминала туристы приезжали сюда с опаской, но уезжали по большей части удовлетворённые. Здесь можно было найти девчонок не только со всей Индии, но и иностранок, по большей части, таек, филиппинок. Цены тоже были вполне азиатские – двадцать-тридцать долларов за ночь. Потом очередные выборы внесли коррективу в нравственное самочувствие жителей штата, в «бугры» подался истинный католик, одним из лозунгов которого был: «Уничтожим гнездо разврата...». Кандидат победил, а Байна-бич остался, как одна из достопримечательностей турбизнеса и подмога местному мужскому населению в решении

насушно-половых проблем. Это спровоцировало рост народного недовольства, особенно со стороны женской части истинных католиков. У нас в маршах домохозяек присутствовала тема «пустых кастрюль», у них... В общем, по простому дали несколько часов на сборы, потом привезли бульдозеры, и получился обычный пляж, правда, теперь абсолютно не посещаемый из-за близости к порту и нефтеналивным терминалам. Кстати, одним из главных на западном побережье, именно сюда не доехали террористы, взорвавшие поезда в Бомбее. Борьба с терроризмом в Индии – тема для специалистов. Человеку непосвященному понять, почему здесь не взрывается все и всегда, невозможно. Индийцы с их любовью к миграциям перемещаются по стране, не имея паспортов, то же касается и непальцев, подавших в Индию. В лучшем случае, они имеют отксеренные права, у кого есть. Попасть же в Непал из Пакистана – не проблема. А из Непала в Индию любой террорист, сбрав бороду, легко на поезде перемещается по всему Индостану. Причем, при покупке билета, как объяснял один местный, надо назвать свою фамилию. Этого достаточно. На вопрос, если другой человек воспользуется твоей фамилией, он снисходительно улыбнулся – ведь могут еще и адрес спросить. А то, что чужие фамилии и адрес может знать потенциальный террорист, вызвало у него не только недоумение, но и смех. Возможно, не следовало придавать огласке подобное «ноухау», чтобы сей опус не являлся руководством к действию для исламских терро-

ристов, но есть уверенность, что они не прочтут его. И что-то мешает им самим додуматься до этого. Однако теракты бывают, но не столь часто, как в Европе со всеми её спецслужбами и спецухищениями.

При всей любви к Индии с её историей и культурой, значительно превосходящей по времени и мудрости европейскую, количество придурков, дебилов, уродов всех мастей и жертв кровосмешения здесь больше, чем в любой «цивилизованной» стране. Может быть, подонков не столько, но их возникновению мешает детское, наивное восприятие окружающей действительности, помноженное на религиозность и боязнь испортить себе Карму, последнее касается, естественно, индуистов. Так ведь их более, чем миллиард, и в пропорции получится совсем другая картина. К тому же, официально отменённая кастовая структура индийского общества, тысячелетиями служившая основой государственности, не может быть аннулирована одним парламентским указом. Эта система, впоследствии перенятая армиями да и обществами всего мира, наглядно продемонстрировала свою жизнестойкость. Она проста до гениальности и четко иллюстрирует военную или даже уголовную иерархию. Есть высшие касты – генералитет, паханы, воры в законе. А есть «антачи» – неприкасаемые, они жениться могли только внутри своей касты и выполняли самые грязные и нечеловеческие работы. Если в аварийной ситуации есть выбор, кого сбивать – неприкасаемого или корову, идущую посреди дороги – у истин-

ного индуса даже не возникнет сомнений, корова-то – святая, а этот – грязь под ногами. Поэтому представители именно этих каст стараются покреститься в кого угодно, тем самым обмануть свою Карму и вкусить плодов демократии. И получается, как в анекдоте про бомжа, похожего на Карла Маркса, когда ему сказали сбрить бороду, чтобы отличаться от классика – «...а ум-то куда деть...?».

Вот так и формируется католическая паства Индии. Но, как ни странно, кастовой системе не подчиняются сикхи. Единственные на Индостане настоящие воины. Если не считать мусульман. Сикхи – это, если по-простому, индийские казаки. Они носят тюрбаны, под которыми прячутся собранные в пучок волосы. Как с черепа, так и с бороды. Правоверный сикх не имеет права стричь волосы, пока на свете жив хотя бы один мусульманин. Десяток лет назад, начиная с четырнадцатилетнего возраста, они не могли появиться в обществе без холодного оружия. Это были сабли, у подростков укороченный вариант – керпаны. Касалось это правило и женщин. В семидесятые я видел бабушку лет за сто, которую вели под руки. А по земле волочился огромный палаш, свисающий с пояса. Сикхам даже запрещено курить гашиш, ведь это дурь пацифическая. Какой же ты воин, если укурился и всех любишь? Ты же убить никого не сможешь. Зато алкоголь им даже прописан. И нередко в прошлые годы надравшиеся по случаю праздников (а в Индии их штук триста в году) горячие парни в тюрбанах применяли свой ат-

рибут костюма по прямому назначению. Сейчас нравы изменились, правительство запретило поножовщину и ношение оружия. Да и волосы подравнивают втихоря, хрен с ними, муслимами, пусть живут. Так вот у сикхов нет каст, у них, как и у казаков, есть сотни и их командиры – сотники. Атаманы, командиры сотников, и так далее. Конечно, сейчас всё это условно. А выглядит не так театрально, как на Кубани, без пластмассовых крестов и погонов из Военторга.

Жить в Индии, хотя бы и очень долго, и иметь здесь бизнес – это две большие разницы, как говорят в Одессе. Поимев деловые отношения с местными индивидами, вы оцените население этой страны совершенно по-другому. Речь, разумеется, идет не об элите. А о так называемом простом народе, который нанимается в качестве официантов, уборщиков, поваров. Наивность местного населения прослеживается во всем. Если вы взяли себе работника независимо от вероисповедания, будьте готовы к тому, что у него будут болеть дети, матери (чаще всего), на лечение которых нужно время и деньги. А так же могут начать умирать дяди и тёти, причем, по несколько раз в год. На вопрос, сколько же их у него и когда их падеж закончится, они, потупив глаза и понимая, что их расшифровали, могут извиниться и сказать, что, ну вот так получилось, больше не повторится. Индийцы вообще живут одним днем, в их менталитете нет озабоченности днем завтрашним, не без исключений, конечно, в лице всемирно известных миллиардеров. Сорвать «бабки» сей-

час, не задумываясь о том, что ты испортил себе карьеру. Что в следующий раз сей работодатель тебе просто не даст работу, и в будущем сезоне ты останешься без средств – обычное явление. Ведь сейчас-то ты при деньгах. У русских, правда, тоже есть принцип: «синица в руках...», в этом мы похожи. Но здесь это явление куда более утрированное.

Разница менталитетов наблюдается во всем, например, маниакальное стремление к обнародованию санитарных процедур. Принцип незазорности естественного здесь возведён в культ. Даже ваш лучший друг, пригласив вас на званный семейный ужин, жуя тандури чикен, может, не стесняясь, начать громко пукать. Ну, газы подошли, бывает... Если водитель нанятого вами автомобиля для поездок ребёнка в школу в ожидании, от нечего делать, начнёт писать под вашу любимую папаю у крыльца, этим он выражает уважение вашему дому и саду. Орать на него, топтать ногами, а тем более выгонять с работы не стоит – пришедший за ним сделает то же самое. Нужно без стеснения объяснить, что вам не нравится, когда удобряют ваш огород мочой постороннего человека, и он больше никогда этого не сделает. Причём, совершенно без обид. Гоанцы абсолютно плюралистичны. Писающий мужчина – это неотъемлемая часть индийского пейзажа, женщины за этим занятием встречаются реже.

В Гоа много речек. Чем ближе к океану, тем более сказывается на них его прилив и отлив. Во время прилива течение в них начинает идти вспять, вода поднимается, принося

морскую рыбу и прочую живность, включая креветок и крабов. Всё это начинает здесь размножаться, чем пользуются местные жители, вылавливая к столу морепродукты. Происходит это так. Берега речушек выкладывают камнями, отчего они начинают напоминать сточную канаву. В некоторых местах устраивают пологие площадки. Во время отлива эти площадки оголяются от воды. Происходит спуск воды обычно ночью. И прогуливаясь в ранние часы с собакой вдоль такой канавы, наблюдаешь национальный утренний туалет местных жителей. Дело в том, что, живя поблизости, можно сэкономить на строительстве туалета, канализации, водопровода... Мужское население (женщин я за этим занятием не встречал, может, у них физиология другая?) рассаживается на подсохшей площадке, спустив штаны, ... как и средне-статистический россиянин, во время этого процесса индийцы любят почитать прессу. Туалетная бумага здесь неоправданно дорого стоит, поэтому газета имеет неординарное предназначение. Подобными туалетной бумаге атрибутами цивилизации здесь пользуются только иностранцы, а они могут позволить себе покупать их по европейским ценам. На востоке принято подмываться. В жарком климате это более гигиенично и значительно дешевле. Люди переключаются между собой, обсуждают новости, пересказывают их неграмотным соседям, проводя политинформации, разгадывают кроссворды... всё это не спеша, не вынимая зубной щётки изо рта. Большая влажность, сильный морской ветер, подни-

мающий пыль, склонность покурить чего-нибудь сказываются на процессах откашливания и отхаркивания. Саундтрек раннего утра в гоанской деревне описывать не имеет смысла, люди с фантазией представят сами, можно лишь дополнить криками петухов, бляением коз и кудахтаньем снёсших яйцо кур. Поэтому утренний туалет в Гоа – процедура длительная и ответственная, за которой следует последующее мытьё из кувшина у колодца.

В колодцы для их очищения подсаживают мальков рыбы и головастиков, которые вырастают иногда до очень крупных размеров. Лягушкоматки по шестьсот грамм в окружении малышни поплавками висят на поверхности воды, ныряя на дно при появлении тени. Лягушки очень вкусные на взгляд европейцев. Местные предпочитают жёлтых, нашествие которых происходит в июле-августе. Воды в Гоа много. Грунтовые воды подходят близко к поверхности. Воду черпают из колодца специальным кувшином, который опрокидывается и быстро заполняется водой. Как зачерпнуть воду привязанным на верёвку ведром, научить их так и не получилось, как и меня кувшином. Да оно и не стоило, навыки зачерпывания воды кувшином такой формы у индийцев в генах, а самой форме его пять тысяч лет. И когда вы видите человека в набедренной повязке намыливающимся у придорожного колодца и поливающимся из кувшина, это не значит, что он бомж или очень бедный человек. Сейчас он домоется, позавтракает, чем Бог послал, сядет в свой монсте-

ровидный джип «Скорпион» и поедет по своему бизнесу: кто в адвокатскую контору, кто в свой отель, ресторан, магазин или на службу в полицию. Через несколько часов вода в канаве-реке поднимается, начинается прилив. Площадка, удобренная человеком, становится пастбищем для заглянувших сюда из моря тварей. Крабики и креветки объедают налипшие на камни экскрименты и жиреют, как на дрожжах. Люди ловят всё это сетками, руками и другими загадочными приспособлениями... Остатки трупов животных, пакеты с мусором, отходы жизнедеятельности человека – всё сносит в океан, когда наступает отлив. Каменные площадки подсыхают, наступает утро следующего дня...

Вот такой экологически замкнутый бассейн. И всё бы хорошо, не вмешайся в этот ход событий научно-технический прогресс и новые технологии. Человек, особенно белый и богатый, всё больше хочет комфорта и фастфуда. Всё больше пластика производится для упаковки. Всё больше одноразовой посуды и пакетов в супермаркетах... Это новая проблема для Индии, жители которой всегда раньше существовали в гармонии с природой. Но тогда человек был глуп и не цивилизован, он даже не знал Макдональдса. Среди индийцев так же приняты тактильные отношения между представителями одного пола. Что удивляет европейцев, впервые попавших сюда, так это то, что пол этот мужской. Взявшиеся за руки парочки мальчиков и вполне зрелых мужей прогуливаются по деревне. Небрежно обнявшись за талию или плечи, по-

глаживая друг друга по коленке, сидят, провожая заходящие в море солнце на пляже. Или едут на байке, нежно прижавшись друг к другу. Идиллические картины в стиле «Голубая устрица», на самом деле, символизируют крепкую мужскую дружбу, по крайней мере, так это объясняют сами дружашие. Если вы выйдете из дома в утренние часы, то обязательно встретите человека, чистящего зубы. Вначале кажется, что человек их просто давно не чистил, и соседи делали ему замечание на эту тему. И вот он показывает им – нате, смотрите, больше вонять не будет. Потом присматриваешься, нет, он делает это каждый день. Берет дома щетку, мажет на неё черного цвета зубную пасту Дентабак, выходит во двор и чистит. Выходят соседи и тоже чистят. При этом они могут переходить через улицу к занятому тем же делом знакомому, чтобы, отплёвываясь, обсудить последние новости. Или левой рукой что-то делать по хозяйству. В деревеньке возле Тартл Бея в Моржиме рыбак каждый день ходит утром проверять снасти – километр в одну сторону, полчаса на осмотр, километр обратно через деревню. Всё это время он не вынимает щетку изо рта. Мимо проезжают школьники на скутере. И оба, заметьте, ухитряются чистить при этом зубы, причём, водитель должен быть левшой, ибо рукоятка газа находится справа. Интересно было бы посмотреть на лица московских гаишников, когда мимо них будут проезжать двенадцатилетние дети на мотоцикле, правая рука на рукоятке газа, а левая энергично орудует во рту предметом, изначально напо-

минавшем средство гигиены полости рта. Сначала смотрится не очень эстетично, особенно, если паста непривычного для европейца цвета, а таких здесь множество. Потом не обращаешь внимания.

А недавно по телевизору стали показывать рекламу напитка Coca-Cola, настолько креативную, что трудно её не пересказать. Летит самолет. Стюардесса разносит напитки, воду, соки. Один продвинутый «перец» заказывает у неё бутылочку той самой газированной американской жижи. Ему приносят. Но взять он не успевает – турбулентность, блин. Гаснет свет. А когда зажигается, бутылочки-то и нет. Дальше смущенная стюардесса громко рыгает и в стеснении убегает прочь. После чего крупные планы лиц пассажиров. И, наконец, летчиков. И все с лицами, переполненными энтузиазма, остервенелого рыгают. Куда там нашим рекламным клипмейкерам с их презентацией пылесосов, типа «сосу за копейки...», или шефа магазина бытовой техники, застёгивающего ширинку, выходя из биотуалета. А следом секретарша, вытирающая рот туалетной бумагой. У индийцев пошлости нет. Естественная реакция организма на сильно газированный напиток.

Индийцы очень доброжелательны и приветливы. Если вы вдруг встали на перекрестке в раздумье куда ехать – не обязательно даже останавливать кого-то. Они сами остановятся и расскажут, как добраться. Иногда это принимает массовый характер. Но тогда мнения о месторасположении искомого

вами объекта могут начать расходиться. Ведь каждый уважающий себя гоанец является специалистом, причем, во всех отраслях, связанных с его родиной. Будь то география или приготовление блюд национальной кухни. И уж, конечно же, аюрведа. Они могут начать темпераментно спорить, забыв о вас и вашей проблеме. Но, в конце концов, приходят к компромиссу. Драка в Гоа – явление чрезвычайное среди местных. Чего не скажешь про иностранцев, особенно употребляющих алкоголь. В местах употребления более традиционных для востока наркотиков драк не наблюдалось. А весь криминал уместается в традиционное для курортов тырение мобильных у набравшихся форинеров. Недавнее выступление в прессе главного полицейского штата было пронизано мыслью о том, что им, представителям правопорядка, нельзя расслабляться. «У нас всё, как в любой курортной зоне: и наркобизнес, и даже убийство было, пятнадцать лет назад пьяный местный задушил английскую туристку...», – сетовал он. Куда катится этот мир, подумали мы и решили вернуть своё мироощущение к «заводским настройкам». Для чего просто открываешь Интернет, тупой и тормозной, зато стоимостью десять рублей в день на русские деньги, за безлимитный тариф. Набираешь Меилру. А там: «...на юго-востоке Москвы совершено..., в центре столицы взорвался..., Гаи предупреждает...». Ну, вот, совсем другое дело.

Если среди читателей имеются представители «Солдатских матерей», им лучше пропустить несколько следующих

строк, чтобы «не было мучительно...» за прожитые годы. Потому что речь пойдёт об армии. Чтобы ребёнка взяли служить в индийскую армию солдатом, родители платят астрономические по местным меркам взятки. Пятьдесят тысяч рупий! Это более тысячи ста долларов. Или годовая зарплата среднего служащего. И дело не в патриотизме, вернее, не только в нём. Отношение к армии в Индии примерно такое же, как у русских в сорок пятом прошлого века. Чего не скажешь о полиции. Военнослужащий получает зарплату, довольствие и, в зависимости от звания и срока службы, до трёх бутылок виски в месяц. Пенсии и пособия родственникам в случае смерти солдата так же исчисляются суммами, на которые родственники могут безбедно существовать всю оставшуюся жизнь. Поэтому попасть на службу в местную Чечню, Кашмир не только престижно, но и выгодно.

Ещё одна черта гоанцев, да и всех индийцев независимо от места проживания – это действовать, руководствоваться своими интересами. Если в машине, перевозящей вас, имеется кондиционер, то по умолчанию он будет включен. Если, конечно, водителю-индийцу не холодно. Если же ему холодно, то по тому же умолчанию он его выключит. Но если вы попросите его сделать по-вашему, он обязательно выполнит просьбу, ведь вы босс. При довольно плохой реакции гоанцы редко лихачат, у них феноменальное зрение, даже по городу, освещенному фонарями, они ездят с дальним светом. Объясняется это просто – дальний свет светит яр-

че, а ярче – значит, больше, а раз больше, значит, он лучше. И зачем же пользоваться тем, что хуже, когда за те же деньги можно пользоваться тем, что лучше, логично. И не беда, что это мешает встречным. Если мигнут, то можно переключиться. Но встречные, по большей части, тоже едут с дальним. И так же мешают окружающим. Перемещаться на мотоцикле в темное время суток быстрее сорока километров в час во вменяемом состоянии вряд ли кто-нибудь будет. Желательно видеть, что находится в ближайших десяти метрах, дальний же свет лупит выше, показывая направление дороги, её изгибы. Что происходит у тебя под колёсами, видно плохо. Как штат продвинутый, Гоа борется с этим явлением, уже появились плакаты, призывающие пользоваться «дииплайт». А лучше обратиться к производителям мото техники с предложением не устанавливать на мотоциклы для Индии дальний свет вообще.

Индийцы до паранои, до фанатизма доверяет врачам. Если, конечно, это не воспитанные в традициях аюрведы старики и пожилые люди. Скорее всего, это объясняется уважением к потраченному на учёбу времени и деньгам. Ведь основная масса населения не обременяет себя глубоким погружением в науки. Школьное обучение составляет двенадцать лет, потом ещё три года по желанию. Но строгость программы микшируется необязательностью посещения школы. К тому же суммарное количество праздников, выходных, каникул не изнурают индийских детей до той степени,

как российских. Не говоря уже об европейских, где школьная программа значительно более облегчённая. При таком населении и менталитете исполнять директивы правительства о всеобщей грамотности малопродуктивно, да и никому не надо. Поэтому люди, которых угораздило ещё семь лет после школы выкинуть из жизни на прослушивание курса медицины, по своему статусу и положению находятся, конечно, значительно ниже богов, но довольно близко к священникам. И если врач скажет делать прививку от чёрной оспы, среднестатистический гоанец скажет: «Есть!», и пойдёт искать, где это можно сделать подешевле. И не беда, что такую прививку уже лет тридцать не делают во всём мире. Если врач назначит лечить геморрой героином, тот же самый гоанец побежит от своего врача к своему дилеру выяснять, какой в этом году уродился мак и во что ему выльется курс лечения. Поэтому при любой царапине, при любом ячмене на глазу индийцы бегут в клинику. Они вообще любят лечиться, особенно молодёжь, и по большей части антибиотиками. Это при том обилии средств и знаний древнейшей науки «о жизни», аюрведе. Складывается впечатление, что Индия – страна, снабжающая лекарствами половину мира, вдруг осталась без рынков сбыта. А заводы работают, штампуют таблетки, их необходимо куда-то сбывать или закрывать завод и увольнять рабочих, а это скажется на экономике со всеми вытекающими последствиями. Вот и работают рекламные группы в содружестве с врачами, пропагандируя

современные препараты, а аюрведа, травы – это всё прошлый век, для бабушек с дедушками и жаждущих экзотики иностранцев, готовых заплатить за это, фантастическое в сравнении с результатом, бабло.

Индия – неоднозначная страна, и весь остальной мир многое заимствует из неё – от шахмат до открытых здесь законов мироздания. И многие иностранцы пытаются обустроить её под себя. Сделать жизнь здесь более привычной и комфортной с точки зрения современного цивилизованного человека. Ежегодно сотни бледнолицых с горящими глазами приезжают в Гоа, чтобы попытаться создать некую инфраструктуру цивилизованного отдыха с одноразовой посудой, едой фаст-фуд и гостиницами «олинклюзив». Обычно запала хватает на первый сезон, потом он постепенно сходит на нет, разбиваясь о бюрократические препоны, менталитет аборигенов и Великую Гоанскую Леню (ВГЛ). С каждым годом пляжи Гоа всё больше захламляются пластиковым мусором, одноразовая посуда сваливается прямо за забор пятизвёздочного отеля, а аналог Макдональдса – Роял Фуд – переделан под очередной магазин. А юноши с горящим взором всё едут, привозя с собой всё новые креативные идеи, в надежде заработать денег, а заодно создать нормальные условия для отдыхающих, не взирая на уроки истории. А стоит ли?

Гармония трёх «Д» (дураки, дороги, духи)

Индия, как и Россия, славится своими дорогами и всеми сопутствующими ей атрибутами. Дураков, как уже упоминалось, тут хватает в избытке, так как эта страна занимает второе место по численности населения в мире. В Гоа их количество увеличивается с полнолунием и наступлением туристического сезона. К своим доморощенным придуркам присоединяются их международные коллеги, не исключая и наших соотечественников, которые занимают достойное место в ряду самых отвязных и отмороженных. Короче, идиоты всея Земли, объединяйтесь! наших родных специалистов в этой области видно сразу и издалека по посадке на байке, выражению лица и скорости перемещения в пространстве, привитой нам темпом приткой жизни, особенно в столицах, и совершенно идиотским, если вдуматься, выражением: «Какой русский не любит быстрой езды». Сразу хочется устроить дискуссию и выяснить портрет этого редкостного экземпляра, но строгий дух профессора Преображенского пресекает любую попытку в этой области, ибо индивидуум сей настолько редок, что его пора заносить в «Красную книгу». Нормальный индийский дурак в силу полного отсутствия природной реакции, знаний устройства его средства передвижения и боязни испортить свою карму путём нане-

сения вреда кому-то из окружающих, ездит медленно. Правда, стартует очень быстро и не глядя вокруг. Это не мешает ему ездить по той стороне дороги, которая свободна в данный момент, несмотря на то, что англичане больше сотни лет, с момента изобретения автомобиля, приучали их к левостороннему движению, а придурки из дорожной службы старательно рисовали сплошные полосы на «глухих» поворотах. И тот же дорожный служащий, закончив работу, точно так же садится на свой байк и точно так же начинает обгонять автобус на абсолютно не просматриваемом повороте в тёмное время суток. И то, что он добирается до дома своими силами и в комплектном состоянии, полностью заслуга предначертанности его кармы – значит, в этот день ему суждено вернуться домой, и духи, охраняющие его, выполнили свою работу. Здесь нет понятия штрафа за нарушение правил дорожного движения, выезд на встречную, непристёгнутый ремень или езду в нетрезвом состоянии. Если вас кто-то останавливает – сделать это может только местный гаишник, одетый в белый верх, синие брюки, полицейских в хаки можете смело игнорировать (это служба несерьёзная, их задача – следить за порядком, отнимать наркотики и выявлять террористов) – так вот, если вас останавливает упомянутый страж и санитар дороги, а вы падаете к нему под ноги со своего байка и уже «пальмовый лист не вяжете», самое большее, что он скажет вам – это то, что нехорошо такому большому и красивому белому сахибу нажираться «в такую задницу»

и рассекать по штату на мотоцикле со скоростью, вредящей здоровью окружающих. И лучшим выходом для вас из создавшейся ситуации будет как-нибудь дочапать до дома или прилечь прямо тут же на пару часиков поспать под сенью Баньяна, а он пока покараулит вашего двухколёсного друга за небольшой бакшиш, ну эдак долларов примерно два-два с половиной, пять. Постарайтесь выполнить его пожелания, ибо, будьте уверены, что он свои выполнит – байк покараулит и сон ваш не даст никому тревожить. Правда, с каждым годом ставка бакшиша увеличивается – инфляция. Эта патологическая безнаказанность и вседозволенность действует на русских как руководство к действию. Сразу вспоминается анекдот про то, как лоб в лоб на МКАД столкнулись два мотоциклиста. Даже непьющий (и такое бывает) и не употребляющий наркотики россиянин, попав сюда, норовит взять в прокат скутер, ромом «Олд Монк» и гашишем он обычно затаривается ещё в аэропорту (шутка). Не забывайте также про дьютифришное НЗ из Домодедово. А раз «за это ничего не бывает» и у вас есть всё, чтобы хорошо отдохнуть, то он и старается не упустить ни одного аспекта знаменитого гоанского отдыха. Употребив всё это с утра для более глубокой усвояемости навыков вождения двухколёсного средства передвижения, он садится на прокатного железного коня, до побеления ногтей вцепляется в ручку газа и... Ну, далее по Карме, со всеми остановками или по требованию – всё зависит от того, какая она, ваша Карма (экспресс?). По-

этому в период новогодних каникул, когда профсоюзы дураков «олл овер зе ворлд» делегируют в Гоа своих представителей, надо быть очень внимательным. Есть ещё одна актуальная история на близкую нам тему про звонок жены «чайника», первый раз самостоятельно выехавшего из Бутово в город, тому на мобильный. Когда она предупреждает: «Будь осторожен, по радио передали, что на МКАД какой-то дебил едет по встречной». А он ей отвечает: «Ты не поверишь, их тут тысячи!!!». Пробки могут возникнуть в совершенно неожиданных для этого местах, в которых их отродясь не наблюдалось. Например, около рыбного рынка на повороте к Моржиму, если едешь от Сиолима на север. Место тут широкое, но если двум водителям встречных грузовиков приспичило остановиться по своим делам или просто поговорить между собой, то делают они это почему-то всегда друг против друга, создавая узкое «горло». В это «горлышко» устремляются встречные потоки, переплетаясь и пытаясь разъехаться. Решившие побаловаться морепродуктами люди не утруждают себя поисками оптимального места парковки, а оставляют байки и автомобили там, где их посетила мысль, вызвавшая слюноотделение. Туристы, непривычные к раздолбанным прокатным мотоциклам, глохнут в сливающихся потоках. Критическая масса растёт, усталые после рабочего дня гоанцы стойчески дожидаются «реанимации» заглохших железяк. Они пытаются сквозь пары перегара разобрать смысл доносящихся из русских уст загадочных

мантр и заклинаний на незнакомом языке, столь похожем на санскрит, которые явно касаются этой колымаги, чьей-то мамы, тех рук, которые собирали это чудо техники и, конечно же, тех уродов, предыдущих арендаторов, которые сумели эту технику так раздолбать. Шит, фак и прочая маза фака несётся от озадаченных англосаксов и прочих бледнолицых в различных вариациях и на разных наречиях. Индийцы без улыбки и очень внимательно наблюдают, продолжая делать всё так, как им удобней. Как скорпион в брачный период, белый турист за рулём становится очень опасен, независимо от вида транспорта. Люди, никогда не ездившие на двух колёсах, берут напрокат автомобили. Они совершенно не понимают, насколько беззащитен, нервозен и беспомощен на дороге мотоциклист, особенно начинающий, особенно белого цвета, по сравнению с автомобилистом. А русский менталитет – типа главный тот, у кого «галифе ширше» – и различные химические вещества в крови не дают такому водителю возможности спокойно сосуществовать на одной дороге с другими меньшими по количеству металла транспортными средствами. Если индеец или знакомый с местным алгоритмом езды автомобилист объезжает мотоциклиста в нескольких метрах, заранее посигналив, то «крутой чайник» не утруждает себя такими предосторожностями. То же самое наблюдается и с обратной стороны. Сутки покатавшиеся по безлюдным дорогам «крутые русские перцы», знающие, где у байка находятся газ и тормоз,

начинают отождествлять себя с Валентино Росси, скрещенным с Мишей Шуми при помощи генной инженерии и нанотехнологий. А это дает работу неторопливым гоанским жестянщикам, чьим главным инструментом по выгибанию металла является зрелый кокосовый орех. А также добродушному русскому парню с фамилией Глейзер, одним из бизнесов которого стала отправка в Россию тел погибших соотечественников. Не сказать, чтобы этот бизнес у него процветал, но количество соплеменников, ушедших из жизни под ласковым тропическим небом, составляет немалый процент от общего количества, так что жить ему в ближайшее время будет на что.

Дорога для индийца более чем направление, прямое или извилистое расстояние от точки «А» до точки «В». Это не только место, где, как уже было сказано в главе о нравах, принято чистить зубы или узнавать последние новости. Дорога – это понятие философское, граничащее с религиозным. Это символ, это мечта, это материалистическое изображение смысла существования, мироздания и прочей загадочной таинственности всего того, что связано с повальным сумасшествием, которое толкает людей на посещение наших мест. Недаром в Гоа нет тротуаров. Потому что дорога для всех. Все равны на ней, всех толкнула выйти на неё какая-то нужда. И так же, как все, мы бредём по ней в нескончаемом потоке, стирая подошвы, находя и теряя, обходя коро-

вьи и слоновьи какашки, тормозя перед переползающей коброй, белея от пройденных лет и серея от придорожной пыли. И чем дальше ты идёшь, тем больше понимаешь, что бака хватит лишь в один конец и заправок впереди больше нет. Поэтому индийцы идут по дороге спиной к движению, чтобы не оборачиваться назад и не оглядываются на приближающийся шум. В отличие от европейцев, бредущих навстречу, чтобы видеть надвигающуюся опасность, да ещё в жилетах с катофодами и фонариках на голове. Они думают, что так их скорее заметит индийский водитель. Или Бог лучше разглядит, прочерчивая кармическую линию их жизни? Индиец полностью доверяет свою жизнь Богам. И как же можно идти навстречу? Как можно идти вспять, нарушая естественное течение событий и хода вещей? Ведь нельзя родиться обратно, можно только родиться снова. Поэтому дети могут строить на дороге куличики, а проезжающие грузовики давить их. Но делают это водители настолько аккуратно и расслаблено, что дети просто отодвигаются, уступая им дорогу. На дороге нет случайностей, стадо коров, облюбовавшее Т-образный перекрёсток в Сиолиме, всегда после заката грелось на остывающем асфальте. Так длилось десятилетиями. Но православный ангел-хранитель не знал о привычках святых языческих животных. Он не нажал на тормоза мощной «Харизмы», и чёрная корова на чёрном асфальте послужила трамплином для русского парня Ромы. Трамплином куда? Потом его мотоцикл разрезали, чтобы смотать с кокосовой

пальмы, а пальму убрали совсем. И таких случаев немало. На дороге нет случайностей, каждый выкинутый в окошко бычок, каждая выбоина и каждая злобная мысль в адрес содородника имеют значения и последствия. Как неубранная подножка, выбросившая на «лежачем полицейском» из седла Сергея и оставившая без отца трёхлетнего Федю. На дороге не бывает случайностей. И как ты идешь по ней, с кем и по той ли? И где твой пункт «В», или ухаб на повороте нарушит твоё РАВНОВЕСИЕ? А в следующей жизни, родившись нищей мышью, ты вдруг вспоминаешь: «Господи, я понял, за что!!! Тогда, в детстве, в лавку отца зашёл любопытный телёнок, я ударил его палкой, выгоняя, он шархнулся на дорогу, напугав проезжающего мотоциклиста, тот выскочил на встречную, визжащая тормозами машина, уворачиваясь, ударила в ногу бредущего слона, слон повалился с испуга на землю и раздавил своего погонщика. Погонщик был стар и болен. И все сказали, что ему так будет лучше, ему там станет хорошо. И все сказали, такова его Карма, он прошёл свой путь, и Боги решают, продолжать ли ему череду рождений и смертей, или он заслужил выйти из Круга. Слона отвели в храм, так как слон не может один без погонщика. Ведь чтобы слон слушал человека, он должен его любить, а чтобы любить, надо вместе расти и жить. Слон имеет в жизни одного погонщика, если человек ещё может взять себе нового слоненка, слон обратной возможности лишён. Он не будет слушать чужого ему человека. Поэтому скоро он

взбесился, и его пришлось убить. И ты, Господи, нарёк мне трижды родиться грозой слонов».

В Гоа есть такое правило. Если ты покупаешь участок, а по нему проходит «исторически сложившаяся дорога», ты не имеешь права её перегораживать, тебе этого просто не дадут. Поэтому, покупая здесь землю, надо внимательно смотреть кроме прочих нюансов ещё и за такими специфическими. Если возникает подобная ситуация, созывается собрание деревни. Сэр Панч, председатель Панчаята, по-нашему председатель сельского или райсовета, созывает депутатов, те спрашивают разрешения своих избирателей. Далее на совете решается – «позволяю» или нет. Если «позволяю», то на каких условиях, ведёшь ли ты дорогу за свой счёт вокруг участка или выделяешь часть своей территории, но дорога здесь была и быть должна всегда, ибо так «исторически сложилось».

В Моржиме, на Тартл Бей, есть дорога, которая проходит по двору дома. Причём, проезжая мимо крыльца, соблюдая исторически же сложившиеся правила езды, приходится сигналить, чтобы предупредить хозяев не выскакивать безответственно из дома. И делается это не только в светлое время суток, подходящее для столь необдуманных поступков жильцов, но и по ночам, привычка – великое дело. Конечно, это не многополосное асфальтированное шоссе, это просёлочная дорога, но это проезжая часть, и по ней ездят не только мотоциклисты, но и легковые автомобили. И люди

так живут всегда! Наверное, взывая к совести соседей, они построили за дорогой индуистский алтарь, поставили обеденный стол со скамьёй и стульями. И теперь хозяйка дома с горшочком еды перебегает через проезжую часть, а глава семьи, посылая сына за чили на кухню, советует глядеть по сторонам, чтобы не попасть под колёса. Ну а проезжающие приветливо кивают, желают ему приятного аппетита. Так происходит изо дня в день, из года в год. И так будет происходить вечно, только выросший сын будет посылать за солью или чили своего сына. А дедушка будет сидеть в кресле около алтаря в собственном дворе через проезжую часть от крыльца собственного дома перед голографическим монитором, даже не обращая внимания на проносящиеся около него в полуметре над землёй скутера на магнитной подушке. И вялым взмахом руки отвечать на жизнерадостные приветствия, звучащие на хинди с ужасным славянским акцентом: «Намасте!»...

Удачи Вам на дороге, куда бы она не вела и куда бы не выводила. И самое главное – РАВНОВЕСИЯ. РАВНОВЕСИЯ во всём, между белым и чёрным, между добром и злом, Богом и Дьяволом, между ИНЬ и ЯНЬ, богатством и бедностью, любовью и ненавистью... Аминь.

Мансун все смое

Эта великая индийская поговорка как нельзя лучше характеризует гоанский менталитет. Индия имеет настолько

выгодное в экологическом отношении положение, что заботиться о проблемах загрязнения окружающей среды им просто не приходило в голову. До поры. Раньше, когда не придумали еще русские евреи, перебравшиеся в Америку, страшную сказку о разрушении озонового слоя, когда одна американская компания еще не изобрела для пульвелизаторов новый газ в замен того, который якобы делает в этом слое дыры, деревья были еще большие, а рыба в Каме ещё водилась..., человек не задумывался об отходах своей жизнедеятельности. Тогда дедушка Ганди, спустив очки на кончик носа, объявил, что у Индии есть свой, особый путь развития. Господи, а ведь они же с Лениным были знакомы. Он порекомендовал в каждом доме поставить прялку, а в каждой деревне кузнецу производить самим для себя все, что необходимо, чтобы не зависеть от других деревень, городов, стран. По крайней мере, постараться не зависеть или сократить эту зависимость до минимума.

Географически полуостров Индостан расположен так, что омывается с трех сторон открытыми морями. Почти полгода длится сезон мансун, когда с неба выливается столько воды, что бурные потоки смывают всю грязь в океан. Получается, что полгода страна гадит вокруг, а вторую половину года природа наводит порядок на этой земле. Вот они и не подписывают «Киотский договор», ссылаясь на то, что это затормозит развитие экономики и помешает программе искоренения бедности. Пока океан и ливни справлялись, но населе-

ние растёт со скоростью, как говорят индийцы, щелкая пальцами, человек в секунду. То есть каждую секунду один человек умирает, а двое рождаются. С допусками и оговорками получается что-то около тридцати миллионов в год. Довольно крупное европейское государство по численности появляется на всё на той же территории, какая была при дедушке Ганди. Вернее, не совсем, Гоа появился в составе Индии уже после, до того здесь хозяйничали португальцы и оставили своё семя в генофонде вместе с католицизмом и именами, с фамилиями. Поэтому гоанцы смотрят на остальных индийцев несколько свысока. И правда, Гоа благоустроеннее и чище, например, Кералы, и побывавшие там иностранцы отмечают, что сюда приезжаешь, как в Европу. Хотя по чистоте назвать это Европой смешно. Португальские гены не мешают гоанцу остановиться посреди улицы, чтобы справить малую нужду, причем, если женщины отходят в сторону, то мужики просто отворачиваются от окружающих. Одна-две пачки из под сигарет, валяющиеся в кустах, со временем привлекают ещё полиэтиленовый пакет, это уже стихийная свалка, которая через месяц начинает вонять и разрастаться, становясь постоянно действующей. И возникнуть она может в любом месте, будь то общественный пляж, а других в Индии нет, или центр города. Поэтому индийские города и имеют свой непередаваемый аромат. Привыкшие за время владычества англичане не обращают на это внимания, но вот немцев здесь значительно меньше, чем в других близких по духу

странах.

Живущий здесь уже двенадцать лет немецкий гомеопат доктор Рафаэль, хорошо знающий Индию, так как преподавал в Калькатском университете и объездил всю страну, утверждает, что немцы – самая брезгливая нация, и Индия более других стран застрахована от их нашествия, что не скажешь про русских, например. Столица северной провинции Бартез, город Мапса, имеет престижный жилой район, состоящий из богатых дорогих особняков, чтобы проехать туда с побережья, вам придется подняться на гору, продуваемую со всех сторон ветрами. Вид с этой горы потрясающий, запах тоже... Именно здесь образовался стихийный мусорный полигон, вечно дымящий и воняющий. Со временем он стал официальным, сквозь преюющие кучи мусора проходит асфальтированная дорога, и люди просто швыряют мусорные мешки с мотоцикла, не останавливаясь, чтобы побыстрее проскочить эти места. И когда ветер меняется и начинает дуть с моря, трудно понять, как люди могут жить в этом тошнотворном смраде. Первое время меня шокировало, как интеллигентная женщина из соседней квартиры в дорогом престижном жилом комплексе каждый вечер ела банан на балконе и, совершенно не стесняясь окружающих, бросала кожуру на асфальт. Я молча возмущался про себя, потом подумал, что она у себя дома и поступает так, как её приучили с детства, она не понимает, как может быть по-другому. Ведь тысячи лет они так и делали. А утром кожуры каж-

дый раз не было, причем, коров на территорию не пускали бдительные охранники, наши собаки банановые очистки не едят, дворников я вообще ни разу не видел. В другое время в гестхаузе, который я арендовал на полгода, на вопрос, что делать с мусором, хозяин с удивлением ответил: «Ту зе бушс, офкоз!», в кусты то есть. Туда же ходили и посетители моего ресторана. Так у нас возникло выражение: «Сходить к Бушу». А выбросить муссов на образовавшуюся там свалку: «...к Горбачеву», ибо помойка по-английски звучит, как «гарбач». К концу сезона бескрайние гоанские пляжи превращаются в столь же бескрайнюю помойку. Море, этот всемирный утилизатор, пока справляется со всем, кроме пластика. Пластиковые бутылки – бич туристической индустрии, слава Богу, в Индии идут в переработку, их собирают разного ранга бомжи и, сплюснув, складывают в огромные мешки. Далее на головах женщин эти тюки отправляются на сортировку и переработку. Бутылки ёмкостью более пяти литров можно сдать самому в целом виде, они много-разового использования. Надо отдать должное властям штата – борьба с пластиком здесь повсеместная. Например, вас не пустят в заповедник к водопаду с бутылками воды. Зато, это дает возможность местным из соседних деревень подзаработать, продавая там эти же пластиковые бутылки, только в два раза дороже. В некоторых супермаркетах висит объявление: «Купите многоразовую сумку из природных материалов, пластиковые пакеты не экологичны». Пластико-

вая одноразовая посуда уже появилась в магазинах, но более популярна из спрессованного по форме тарелки бананового листа, которую после использования можно выбросить в окно, а проходящая мимо корова с удовольствием её съест. С пищевыми отходами здесь нет проблем в принципе – что не смог сожрать человек, откусает корова или свинья, далее идут мангусты, крысы, мыши, что не смогли они, а такого остается немного, сметут вездесущие птицы-космополиты вороны, и так по иерархии – насекомые, бактерии и ещё кто там следующий...

Животный мир Индии очень многообразен, и индийцы научились жить с ним в гармонии и симбиозе. А может, они всегда это умели. Но человечество растет, развивается, придумывая и изобретая для своего удобства всё новые и новые материалы, что даже здесь силы природы перестают справляться с экологическими проблемами. По слухам, иностранные танкеры, заплатив «бакшиш», промываются около гоанских берегов. Но течение и прочие силы природы ухитряются и с этим справиться. По крайней мере, я не видел разливов нефти в южной части штата, но на севере в сентябре что-то подобное встречалось.

Манго

Если вы послушаете, как гоанцы произносят название этого фрукта, вы можете подумать, что речь идет о любимой девушке или дочери. Такая нежность сквозит в этом слове. Буква «Н» слегка мягкая, а «А» – полу «А», полу «Э». Сезон начинается в первых числах мая – тогда, выходя из дома, ты спотыкаешься о нападавшие за ночь спелые плоды – и длится более месяца. За это время идет необычная для индийцев в целом, и для гоанцев в особенности, активность. На рынках возникают стихийные аукционы. То, что доходит до продажи «в еду», собирается в зеленом виде и складывается на дозревание в солому или сено. Или заворачивается в материю и прокладывается тем же сеном, хранится в ящиках от недели до..., пока не становится мягким и сладким. Тогда несется все на тот же маркет и продается весьма недёшево по сравнению с прочими фруктами. В начале мая хорошие сорта стоят около ста рупий за три штуки, это порядка двух с половиной долларов за килограмм, москвичам станет смешно, для людей, живущих тут, это не повседневная еда. Потом, во второй половине мая, цены становятся все ниже, манго все больше, устраиваются праздники по поводу сбора урожая, в общем, наступает «Манговый спас». В ресторанчиках появляются блюда, сдобренные манго, будь то рыба или курица, или другие, как всегда острые, дели-

катесы. Чего не смогли продать или съесть, идет в переработку: на мармелады, конфеты, соусы, соки. Все это производится из того, что невозможно съесть в натуральном состоянии, а именно, из некондиции. Всего несколько сортов выдерживают длительную перевозку по морю. Поэтому европейцы получают к своему столу только их или то, что везут самолетом, но тогда цена вырастает.... Зайдите в «Ашан» или другой популярный супермаркет, там иногда бывают настоящие манго, а не те огромные, кормовые красновато-зеленые, почти круглые уродцы, продаваемые на развалах такими похожими на индийцев азербайджанцами. Рыночные торговцы всех стран – объединяйтесь.

Местное утверждение гласит, что человек может получать все необходимые для жизни вещества, питаясь только манго и молоком. Маленький Кришна, да простит он меня, если я чего напутал, именно так и делал, и, как видите, вырос во вполне солидного Бога, имеющего в мире немало поклонников и последователей.

Если орехи кешью – это символ Гоа, кокос – достояние и источник благосостояния, то манго – это любовь и святость. Деревья манго живут не одну сотню лет, достигают сорокаметровой высоты, а по площади, если считать в квадратных метрах, по земле могут занимать двенадцать-пятнадцать соток – представляете такой зонтик над дачным участком? На юге соседнего штата на манговом дереве хиппи устроили целое поселение. На стволе и ветках сделали навесы и де-

ревянные домики, и живут там постоянно около пятнадцати человек. Есть, за что уважать такое дерево, кормящее с десятков поколений. Поэтому сбор манго – занятие довольно ответственное, сложное и трудоемкое. Сами гоанцы, хозяева деревьев, лезть на него не станут, они сдают его в аренду более бедным гоанцам, те, в свою очередь, нанимают гастарбайтеров из штатов Махараштра, Карнатака или других, которые лазают, собирают, упаковывают, пересчитывают вместе с работодателями плоды и расплачиваются с владельцами деревьев. Владелец обязательно присутствует рядом – для порядка, ну, и чтобы не прослыть бездельником, да и так – мало ли, что. А уж скольким попугаям, совам, кингфишерам и другим пернатым тварям, название которых могут вспомнить лишь профессиональные орнитологи, это уникальное дерево дало кров, обогрело в лютую январскую стужу, когда ночью температура воздуха опускается до плюс двенадцати градусов, и охладило в раскаленный май.

Таким образом, если подсчитать, сколько народу накопило дерево манго, ему, дереву, можно присваивать категории, награды, звания, вплоть до «Героя индостанского соцтруда», потому что индийский метод хозяйствования с их государственным регулированием цен больше напоминает лучшие советские годы брежневской «сытой» эпохи с элементами полной рыночно-колхозной вакханалии.

Учебный год в гоанских школах для европейцев заканчивается в конце апреля с окончанием туристического сезона. Родители разъезжаются кто куда: кто в Непал или северную Индию, кто по своим европейским да израильским углам, австралийцы – на своё полушарие, зимовать. Дети прощаются друг с другом на пять долгих месяцев, чтобы забыть английский, для кого он не родной, а в октябре, встретившись вновь, лихорадочно вспоминать его, смешивая английские, итальянские, русские слова, дополняя их хинди и непальскими, хвастаясь новыми игрушками и делясь впечатлениями.

Редкие семьи остаются здесь на мансун или, как говорят в России, муссон. Он начинается в июне, а в мае в Гоа нормальный хозяин собаку из дома не выпустит, а добрый посадит в холодильник. Термометр клинит в районе цифры сорок пять, море беспокойно, влажность – сто процентов. Перемещаться по улице реально только на байке, обдуваемом ветерком, или машине с кондиционером. В португальских домах можно выживать, их конструкция рассчитана на длительный нагрев солнцем, они длинные и высокие, без потолков, воздух в них циркулирует, создавая сквозняки. Современные же, бетонные, каких большинство, может спасти только кондиционер.

Семья Майки, одноклассника Ильи, сына Игоря Ганди

и Валентины, обычно мансунила тут. Его папа Патрик, известный не только в Гоа, а и во всем мире мастер по изготовлению чаломов, глиняных трубочек и прочих курительных девайсов, очень любил это время в Индии и с удовольствием бы никуда не ехал. Но мама, израильтянка Аяла, на восьмом месяце беременности решила поехать рожать на историческую родину. Для чего это надо было делать, она объяснить не могла – индийская медицина вполне отвечает требованиям живущих здесь иностранцев, но, в основном, все рожают у австрийской акушерки в бассейне, отчего дети, рожденные в Гоа, получают ну очень крепкими и здоровыми. Патрик, будучи весьма неглупым ирландцем, конечно, попытался поспорить, но, быстро поняв, что с беременной еврейской женщиной это бесполезно, согласился и решил: пусть себе валит в свою Бершеву, а он поедет на «айленд» и будет пару месяцев пить там «Гиннес», толстеть и ждать, когда она, наконец, родит. Потом полетит на израильтянина радоваться рождению дочери, «тереть» с родственниками жены, «факинг хасидами», о её воспитании, о неправильности его, Патрика, жизни и профессии, жрать их кошерную говядину с ужасной местной водкой из кактуса опунция, которую они почему-то называют «Текилой». Ну а уж в конце сентября... будьте любезны, Гоа – форэвер...

Отец Майки въехал во двор Ганди на своем старом заслуженном «Энфильде» – гордости индийского мотоцикlostроения. По окончании учебного года родители, еще остающиеся

ся здесь, завели добрую традицию – свозить детей в чей-либо дом по очереди, но так как дом, в котором жил Илья, находящийся в Сиолиме, был самым большим из всех, а участок с садом составлял полгектара, чаще всего дети гостили именно здесь. Тут можно было полазить по деревьям, налить воду в резервуар для полива, сделав из него неплохой бассейн. А главное – русские родители не возражали против пребывания у них редющей день ото дня интернациональной компании малолетних оторв.

Он запарковал свой байк рядом с хозяйским. Народ тусовался где-то за домом, откуда раздавались голоса и слышались хлопки от выстрелов из духового пистолета. Игорь, недавно слетавший в Москву по визовым делам, сумел привезти оттуда настоящий американский спортивный «Кросман». Пистолет был однозарядный, сжатый воздух накачивался рычагом по желанию стрелка, из-за чего можно было регулировать мощность выстрела вплоть до того, что крысе отрывало голову, если зарядить специальной кисточкой. Куплен он был и из спортивного интереса тоже, но больше предназначался для борьбы с соседскими котами, вечно забирающимися на кухню, и обезьянами, совершающими набеги на сад. А Игорь, как истинно русский по рождению человек, сняв этот дом, первым делом устроил на участке огород. Друзья привезли из Раши семена огурцов, томатов, сладкого перца, он сам еще осенью захватил арбузные и дынные. Земля здесь такая, что через полтора месяца по-

сле высадки семян в грунт появились первые завязи, правда, пока огурцов, томаты были еще совсем небольшими, дыни и арбузы цвели, но по ночам какая-то гадина обжирала листья и только что распустившиеся цветы, поэтому надежд на большой урожай не было. А вот огурцы «перли», как сумасшедшие, ведь хозяин удобрял их всем подряд от разведенной в пять раз собственной мочи, как научил гровер Вася Самрастит, до сыворотки от творога. Это пронюхали подлые манки и часто заглядывали в садик – не поспели ли еще.

Патрик обошел вокруг и увидел компанию. Здесь находились все, и даже двое индийских детей, сыновья хозяйки, все по очереди палили из Игорева пистолета в расставленные опавшие по причине червивости манго. Хозяйка тоже время от времени принимала в этом участие, но как-то стеснительно, ведь основное её предназначение было – бдить за сборщиком манго и его помощницей. Сам же сборщик почему-то в очень белой для индийца рубашке находился в кроне дерева где-то метрах в тридцати над землей, оттуда опускалась на веревке корзина, наполненная плодами, и сам он периодически спускался передохнуть, освобождая дерево от своего присутствия.

Ирландец не знал об этом, он занял очередь пострелять, перекинулся парой слов со стоящими людьми, сказал сыну собираться, так как мама очень по нему соскучилась, и закурил. Пока курил, краем глаза он заметил некое движение в листве. Когда он передал косячок по кругу ближайшему

из родителей, настала его очереди выстрелить. Для стрельбы по манго достаточно было сделать три-четыре качка, фрукт прошивало насквозь, Патрик качнул девять раз...

— Игорь, а манки часто беспокоят вас? — Спросил он у Ганди с видом человека, который узнал великую истину, и сейчас он откроет её миру.

— Бывает, наведываются, я пистолет как раз для них и купил...

— Вот и я так думаю... — он вскинул пистолет и выстрелил в листву. — По-моему, у тебя гости...

В листве что-то ойкнуло, потом раздался душераздирающий крик, треск ломающихся веток, по земле ударило картечью плодов манго, выпавших из корзины, следом упала корзина, потом из листвы вывалилось и повисло на страховочной веревке тело, одетое в белую рубашку. Тело держалось за пах, что-то лепетало на диалекте марати и уже начинало затихать. Из слов можно было разобрать только: «Но манки, но манки...».

— Да... ну ты — хайлендер, Маклауд в таблетках какой-то! — Ганди укоризненно взглянул на ирландца. — Меткий, черт...

Развел он руки, показывая окружающим, что и не такое бывает, это же Гоа...

* * *

Мукеш не первый год подрабатывал в Гоа. Вернее, не под-

рабатывал, а работал на любых подвернувшихся работах, делал все, что могло принести десять – двадцать рупий в день. Не великие деньги для Гоа, здесь на них прожить день, конечно, можно. На чапати с горсткой риса и далом хватало. Но еще надо отложить на мансун, когда работы нет даже тут, а податься дальше на север, куда мигрировали все кормящиеся с туризма и туристов индусы, он не мог. Люди его касты могли работать только на грязных, тяжелых работах – быть официантами или даже мыть посуду в ресторане он не имел права в других частях Индии. А в Гоа можно все, они здесь все ненормальные, и религию взяли себе какую-то заморскую с ужасными ритуалами, ходят большой толпой со статуей какой-то мадонны и песни печальные поют. А белые женщины с мужчинами ходят почти голые, да и вообще тут странно все. Сейчас, конечно, времена меняются, кастовые догмы уходят в прошлое. Вон даже сикхи, обещавшие не бриться, пока жив на земле хоть один муслим, и те уже бреются втихаря. Но в его деревне время остановилось где-то на пороге девятнадцатого и двадцатого века. И брамины на совете не разрешили уезжать дальше соседнего штата.

Сейчас, когда начался сбор манго, работы на пару – тройку недель будет предостаточно. Вот сегодня, например, было три предложения, он выбрал то, где надо трудиться в саду, в котором живут иностранцы. Конечно, он видел их, и не раз. Но тут прямо перед ними лазить по дереву... а может, они пригласят его поработать, эти «белые обезьяны» хо-

рошо платят, да еще кормят, говорят, бесплатно. Надо по-правиться им.

Хозяйка, католичка Агнела, сказала приходить часам к четырем, по окончании сиесты. Так смешно на европейский манер эти гоанцы называют пекло среди дня, когда закрывается все, что возможно закрыть, а сами они дрыхнут в тени под вентиляторами. Сколько они могут спать? Пару часов среди дня, в десять вечера на улицах никого, только бешенные форенеры, обкурившиеся чарса, с выпученными глазами носятся на своих вонючих мотоциклах, мешая отдыхать трудовому народу. Да и утром встают не с первыми попугаями – в десять еще магазины закрыты, но супермаркеты не для нас, это для тех же форенеров и богатых индийцев.

Мукеш еще с утра отправился к колодцу, прихватив собственный кувшин и веревку. Чтобы не ждать, когда освободится общественный, прикованный к колодцу цепью, он купил его с первых заработков, потратив всю дневную зарплату. Ну и цены в этом Гоа, правда, и заработки, каких нет в других штатах. Если не шиковать в питании, то получается неплохо откладывать. Ведь спать можно и на пляже. Полиция привыкла к нему, знает, что он честный малый и чужого не возьмет. А раз в месяц он сам приходит в сиолимский панчиат, орган самоуправления, отмечать регистрацию, ну и, конечно, работает за это бесплатно целый день в доме начальника полиции и панчара. Кормят, и на том спасибо. Он намылился у колодца, обернувшись тряпкой вокруг бёдер.

Нельзя, чтобы чужие увидели его причинные места. Побрился найденным в чьём-то мусорном пакете, но еще вполне пригодным станком «Жиллетт». Небошь, какой-нибудь жирный белый турист выкинул, уезжая. Вот бы первым оказаться в таком месте, где эти люди оставляют то, что им лень брать с собой. Друг Мохан, который часто составлял ему компанию в поденной деятельности, одолжил белую рубашку – лучшее, что имелось в его гардеробе, сказав: «Так ты будешь выглядеть солидней, тебя примут за гоанца, а если выгорит, и тебя пригласят на работу к ним, не забудь о старом друге».

Дом, во дворе которого росли манго, что предстояло собирать, внушал уважение своими размерами и возрастом. Хозяйка сказала, что ему сто пятьдесят лет, и надо быть очень осторожным, чтобы фрукты или еще что, падая, не попали по черепице и не сдвинули её. Иначе она вычтет у него из зарплаты, ведь ей придется вызывать специального человека, который будет проверять, не зальет ли дом в мансун. Как они проверят, не из кувшина же будут лить сверху, для этого надо будет его же, Мукеша, вызывать, ведь не полезет же на крышу с кувшином воды ученый человек, который знает, как должна выглядеть крыша, которая не протекает в мансун. Этим гоанцам лишь бы не доплатить.

Лазая по дереву с сачком, которым он дотягивался до дальних веток и поддевал ими плоды, чтобы они не срывались вниз, а попадали в сеть сачка, он видел внизу, что живущий в доме белый, как сказала хозяйка, из страны под

названием Раша, где манго не растут, потому что дождь, падая с неба, долетает до земли кусками льда и так и лежит, не тая, принес пистолет. Он собрал вокруг детей, и белых, и местных, что-то им объяснял. Потом они поставили на каменную тумбу испорченные плоды, банки от пива и стали по ним стрелять. Мукешу очень хотелось выстрелить из диковинного пистолета. Он видел в кино, раз в месяц бесплатно показываемое в деревне с приезжающей грузовой машины на белой простыне, приносимой из браминского дома, как злодеи падают после выстрелов бравых усатых полисменов, даже если те стреляют, не целясь или в воздух. Но здесь у людей в руках, в двадцати-тридцати метрах от него был большой красивый пистолет, который стрелял со странным звуком, но банки разлетались, явно пробитые насквозь. Ему очень хотелось, но он не смел. Не смел по многим причинам, а вот смотреть на них издалека ему никто не запретит, хотя бы потому, что никто не видит, что он наблюдает за ними. Одна мысль как бы в шутку пришла ему в голову: «Только бы эти белые обезьяны из страны замерзшей воды не приняли его за обезьяну, ворующую манго, и не принялись бы палить по нему». Конечно, это было смешно, ведь все знают о том, что он тут на дереве, да и белая рубашка наверняка видна с земли.

Пока он ещё смеялся над своей мыслью, во двор въехал белый на старом хромированном «Энфильде». «А вот этот обо мне не знает, но ему сейчас объяснят», – подумал Му-

кеш, сачком дотягиваясь до жирного плода, висящего вдали, он долго пытался его поддеть, создав немало шума. Одним глазом следя за сачком, вторым он вдруг увидел, что вновь прибывший форенер ни слова не говоря, вскинул пистолет в его сторону. Огромный черный ствол смотрел ему прямо в лоб, в то место, где у людей избранных, из приближенных к Богу каст находится третий глаз, обычно дремлющий у простых людей. Скорее всего, именно этот третий глаз у него, Мукеша из низшей касты, вдруг открылся и увидел черный шарик пули, как в замедленной киносъемке вылетающий из этого ствола и медленно направляющийся к нему. Он заметался на дереве, хватаясь за кокосовое волокно веревки, собранный урожай полетел вниз, и резкая боль пронзила левое яичко.

«Зачем... как... ведь я так мечтал о большой семье, как в старости буду сидеть на крыльце хижины, и дети... и внуки... — пронеслось у него в голове. — Вот ведь, придурки, неужели они не понимают, что я не обезьяна, ведь манки не одеваются в белое, собираясь обчистить чужой сад, и уж точно не бреются перед этим... да, вот так брейся, не брейся, эти уроды все равно принимают тебя за мартышку». Дальше сознание покинуло его, сквозь пелену он слышал иностранную речь собравшихся вокруг людей. Кто-то обрезал веревку, отчего он грохнулся на землю и немного пришел в себя. Из дома принесли лед и какие-то медикаменты. С него стащили штаны, о боже, и все увидели его опухшее достоин-

– Хорошо, что пулю без сердечника зарядил – сказал Игорь с видом человека, каждый день попадающего индийцам в левое яичко, – да и попал ты рикошетом, скорее всего.

– Ну, я же не знал. – Оправдывался Патрик. – Я думал, это манки, эти гады мне весь сад ободрали, фак...

– Ничего, жить будет, а вот на деньги ты попал, как говорят в Раше, дай ему тысячу рупий, он ведь теперь неделю работать не сможет, да и на примочки с мазями. А лучше возьми его к себе в работники, или, может, нам его взять в садовники? – обернулся Игорь к Валентине.

– Нет, ну зачем же нам кастрированный садовник. – Отшутилась она.

– Уж не знаю, что ты ценишь в садовниках, но парня жалко, да и работник нам не помешает, а насчет его мужских достоинств, донт вори, все у него в порядке.

Так в сиолимском доме Игоря Ганди и Валентины появился садовник. Манго – великое дерево, и иностранцы никогда не поймут и не увидят те кармические нити, связывающие это дерево с судьбами людей, как белых, так и индийцев.

Хануман и Ковбой

Эти двое появились в Гоа несколько лет назад. Как все простые российские трудящиеся, они купили путевки в каком-то «Хрентуре» и, как порядочные, прибыли в Индию на самом обычном «Боинге» самой обычной российской авиакомпания, специализирующейся на чартерных перевозках. Они жили в самой обычной сколько-то звездной гостинице – в этих краях количество звезд мало что вам скажет о качестве гостиницы и сервиса. Стоит заметить, что когда люди говорят «Гоа», то обычно имеется в виду северная его часть, южная, мало запоминающаяся, представляет из себя недостаточно отуреченную Анапу времен расцвета застоя. Конечно, некоторым только этого и надо. А жизнь, «движуха» – это север. И, попади наши герои на юг, не о чем было бы рассказать. Ну, съездили на курорт, ну, отдохнули, ну, попили вволю рома с феней, закурили это гашишем, занюхали кокаином, пожрали креветок с лобстерами, подивились на водопад и плантацию специй, погрели пузо на пляже, обсудили с соседями козни мифического ската, атакующего непривитых и незастрахованных российских туристов. А потом в Москве через месяц в воспоминаниях осталось бы чувство, что было хорошо и прикольно, а вот что прикольно и почему хорошо – не вспомнишь.

Но прихоть провидения засунула их именно на север,

и с этого началась у них другая жизнь. Хорошая или плохая, правильная или шняга, торч или отстой – это уже вопрос к ним и тому провидению, которое им это удружило. Путёвка их, включающая перелет, гостиницу и завтрак, как и положена российской, давала возможность протусоваться на благословенном берегу Аравийского моря четырнадцать дней, что им показалось мало. Это частая история не обремененного или обременённого, но не очень, трудовыми заботами российского человека, когда, думая, что двух недель отдыха ему более чем достаточно, и «кровь из носа» надо бодрым и отдохнувшим предстать пред очи начальства и работать, работать и работать... Но по прошествии выделенного срока человек вдруг понимает, что время пролетело, как один день, и еще столько не изведено, не попробовано, не увидено, не... не... Человек звонит в «Хрентур» с вопросом о возможности продления путёвки, звонит начальству с рассказом о страшной истории про потерянный паспорт, родственникам с просьбой выслать денег... и т. д.

Ничего подобного с нашими друзьями не случилось. Просто в день отъезда в чек тайм, когда пришлось освободить номера, они не поехали в аэропорт, а пошли в соседний гестхаус и поселились в нем, причем, раз в шесть-семь дешевле. Ведь не надо было платить «Хрентуру» за его хрентуровы услуги, а деньги у них к тому моменту были на исходе. Поэтому мысль, где их раздобыть, становилась актуальной. Заработать же денежку своей профессией они не могли по при-

чине отсутствия таковой, ремеслом тоже, так как в Москве зарабатывали в стриптиз-клубе «Красная Шапочка» путем показа девушкам различных возрастов своего тела, как целиком, так и по частям. Оно, тело, что у того, что у другого, было весьма накачено и красиво в то время. Созерцание подобных фактур очень радовало этих девушек, а с радости даже девушки могут заплатить мужикам деньги. Здесь же такой вариант не прошел, то ли тело потеряло былую форму, то ли девушки попались неплатежеспособные и не того возраста, то ли им такой стриптиз не нужен был..., короче, спроса на этот вид развлечений в Гоа в тот сезон не было. Ну, может быть, немного в Моржиме, где встречаются отдыхающие, похожие на завсегдатаев «Красной Шапочки». И засветила им ПЕРСПЕКТИВА контакта с тем колхозным Бобиком из анекдота (кто не знает анекдот, пишите по адресу: bezdelnik62@mail.ru, ибо он неприличный, расскажу индивидуально).

Вообще-то, история ехидно скрывает информацию, когда Ковбой обрел своё истинное современное воплощение. Судя по всему, он родился ковбоем, говорят, даже в джинсах, им жил и, когда настанет время уходить, им и уйдёт. Зато доподлинно известно, когда второй стал Хануманом. Тому даже оказалось множество свидетелей, в том числе и небезызвестный Вася, коего ещё называют Самрастит или Баба Арамбольский с ударением на последнем слоге в первом слове, ибо это смешное для русского слуха слово относительно му-

жиков в Индии не считается насмешкой, а очень даже наоборот, типа, самый умный. Дело было в полутысяче километрах от Гоа в древнем до мистики городке Хампи. Магичность города чувствуется с первых секунд пребывания в нём. Самому молодому зданию здесь лет триста, жители – чистые вегетарианцы, к чему волей-неволей приобщаешься сам. Даже если ты правоверный украинец и не выходишь из дома без шмотка сала, здесь оно в тебя само не полезет – энергетика у этого места такая. Есть в Хампи гора, место паломничества всех, сюда прибывших. С неё эта дредасто-лысо-офигевшая интернациональная тусовка по вечерам сажает солнышко за горизонт. Может, оно, конечно, и само бы село, но уж больно всем хочется приобщиться к этому таинству природы, внести, так сказать, свою лепту в законы и процессы мироздания. Да и последние лет триста никто не проверял, справится ли оно с этой задачей самостоятельно. Каждый день народ на горе торчит в прямом и переносном смысле этого слова, облегчая Светилу задачу, по крайней мере, они так думают. А Солнце, тем временем пересекая через зенит тропическое небо, нагло показывает изумлённой публике свою рыжую жопу, приспуская исподнее редких облачков, чуть ли не вслух произнося на разных языках слово «Фак», садится в бескрайнее зелёное море джунглей, волнующееся внизу.

Вот примерно в таком настроении и с такими думами в голове сидел тогда ещё Гоша на каменном парапете. В мет-

ре от него в той же позе и на той же волне сидел старый изгнанный из стаи вожак обезьян породы хануман, считающийся в Индуизме святой. Между ними стоял пакет с какими-то кришнаитскими сладостями. Они по очереди лазили в него лапами и руками и, не отрываясь, зажёвывали зрелище подходящим для этого случая лакомством, не обращая внимания друг на друга. Когда же космический ритуал завершился, и конечности их в сумерках встретились в пакете со сладкими чипсами, оцепенение от виденного спало, и каждый осознал свою роль в истории, в природе, в мироздании и в том Божественном, что мы по неведению называем просто – жизнь. Свершись это прикосновение где-нибудь в другом месте на нашем малюсеньком закомплексованном шарике, может, в жизни Гоши ничего бы и не изменилось. Но это случилось в Хампи, где космос и энергетика совершенно иная, неподвластная логике и разуму человека. Что произошло между этими двумя существами, знают только они сами и те индийские Боги, покровительствующие им. Поменялись ли они телами, или души их, соединившись, перемешались в единое целое, а потом разделились поровну и заняли прежние места, сказать трудно. Мало кто что-то понимает в Божественных технологиях, но именно с тех пор на свете появился Хануман и куда-то делся Гоша. А старый вожак на следующий день спустился с горы, пришел в центр города и тихо заснул на ступеньках храма. Такой же старый священник вышел из дверей этого храма, погладил седую,

усеянную шрамами голову обезьяна, попричитал и ушел давать указания своим ученикам. Те забрали остывшее тело и с почестями сожгли его на сандаловых дровах, как святого, а пепел развеяли на закате с той самой горы и в том самом месте, где ещё валялся пакет из-под чипсов...

Итак, деньги заканчивались, индийская виза тоже, как и срок годности паспорта. Друзья собрали последние рупии, купили билеты на поезд в общий вагон и с пересадками добрались до Непала, благо, сезон в Гоа заканчивался, а там только начинался, и вся тусовка постепенно перекочевывала в горы. В Королевстве Непал, кроме пищевой, состоящей из пары-тройки цехов разливающих соки и делающие лекарства из гималайских трав, другой промышленности не было. Вся экономика делалась на туризме и тех сумасшедших, которые пытались залезть на Джамалунгму. Как видите, Эверест хоть и не ископаемое, но тоже весьма полезная в хозяйстве вещь, конечно, попроще нефти, но жить с ней тоже можно, причем целому государству. Кроме этого очень важным для экономики Королевства являлась такая область пищевой промышленности, как выращивание и переработка конопли. Её, выяснилось, тоже можно есть, главное, не переборщить, иначе вырвет. А двигал в Непале эту тему непосредственно Король. А вы думали, там революции из-за чего происходят? Как и везде в мире, из-за... ну, вы сами все поняли – сырьевая база она и в Непале – сырьевая база. Хотя на законодательном уровне употребление конопли что

в Непале, что в Индии запрещено. В восьмидесятые годы американцы хорошо заплатили за это, чтобы люди в мире не конопляную материю и прочие полезные вещи из этого растения делали, а дюпоновский нейлон и прочую химию у них покупали. Но в Непале народ бедный, на химию американскую денег накопить никак не мог, поэтому и растил конопельку. В Покре вам никто ничего предосудительного не скажет, если вы присядете на скамеечку, забьете и раскурите чалом. Денег-то король взял, в бумаге закон прописал, но тысячелетние традиции так легко не истребляются, многие даже не знают о его существовании – как курили, так и курят.

Друзья забрались повыше в горы, взяли в аренду у местных крестьян землю и устроили плантацию, причем, не огурцов с томатами, а наиболее приспособленного к местным высокогорным условиям растения – канабис. Когда урожай созрел, местные батраки убрали его и передали хозяевам. Они предлагали, пока растения росли, делать чарс и отдавать им уже готовый продукт, но русские отказались. Пока поле зеленело, цвело и радовало глаз, они, обложившись распечатками из Интернета, «Библией коноплевода» и прочими статьями, готовились к конечной стадии своего предприятия – изготовлению лучшего в мире гашиша, или хеша разновидности полан. Научно-технический прогресс долго бился в их стриптизерские головы, предлагая различные методы приготовления зелья, но так и не достучался. То химические ре-

активы не смогли достать, то денег на какую-то техническую приблуду не хватило, короче, плюнули они на прогресс с высокой горы и стали вручную бошечки мацать и через шелк «пробивать». Не допуская к этому процессу ни непальца, ни непалку. Конечно, гашиш производить – не части тела афшировать, тут голова нужна и руки. К пятидесятому килограмму руки стали сильно побаливать, а голова отказывалась ими управлять, ибо из каждой небольшой партии они образец на исследование брали, а что вы хотите – технологический процесс требует строгого контроля. Образцы эти тщательно исследовали и на цвет проверяли, и на нюх, и на вкус, и как растирается в пальцах, и как под лупой в свете диодного фонарика искрятся кристаллы ТГК, в общем – наука называется. Но самый главный тест – это на человеческий фактор, факторами они сами каждый раз и выступали. Потому к пятидесятому килограмму решили сделать перекур, так как вкусовые и прочие ощущения притупились в связи с возросшей толерантностью. Да, нелёгкий это труд производство лучшего в мире гашиша, или хеша, или полана, особенно когда все сам да сам.

Так прошло лето, приближалась осень, начало сезона в Гоа. Заготовили наши друзья товару примерно центнера полтора. Встал вопрос, как же это богатство за четыре тысячи километров на западное побережье Индии доставить. Да ещё через государственную границу перевезти. А ничего в этом сложного и не оказалось. Наняли они человек два-

дцать непальцев и непалок, непалки своих мужиков в дорогу снарядили, брикеты с «коричневым золотом» в котомки заховали так, что ни один таможенник не найдет, а если и найдет, то много себе не отломит – совестливые они там на границе Индии и Непала. А если учесть, что почти всякий с той стороны с «товаром» едет, то куда же им столько много, ведь вредно. И тянутся потоки непальцев на заработки в Индию, а в котомках – брикеты с дурью, да какой! В самой горной стране это добро недорого стоит, оно и в Гоа-то оптом по пятьсот-семьсот долларов за килограмм выходит, но при полутора центнерах «наманные бабки». Открыли они торговлю, что-то оптом сдали, что-то по толам развесили, только тола, конечно, у них русская получилась, если нормальная одиннадцать и шесть десятых грамма, то русская стала ровно десять. Так и спрашивают теперь люди опытные, когда хеш покупают: «У вас тола какая, русская или нормальная...».

Торговля бойко шла как среди русских местных, так и среди двухнедельников, качество-то отменное. Двухнедельники – это такой народ, который в гостиницу по путевке ездит, он самый выгодный. Денег не считает, ибо он их сюда тратить приехал, в ценах не разбирается, ибо привык к московским ...дцати долларам за грамм. Одна беда, он же сюда оттягиваться приехал, значит, ему ассортимент нужен. А где его взять, если братаны из израильского землячества кокаин под себя подгребли, герыч индийцы банкуют, а психоделики всякие – там, ЛСД и МДМА – Вася Самрастит. Взяли

они головы в руки и стали думу думать, как им обустроить Гоа – всю дурь мировую в одно место свезти и ей торговать, на манер оптового магазина, ну, на худой конец, как «Метро» там или «Ашан» какой-нибудь. Ну, может не всю, конечно, для всей склады нужны большие, вон в Москве у «Метро» какие. Только супруги Шульгины около ста шестидесяти препаратов изобрели. Думали они думали и, наконец, выдумали, не зря же у них лучший в мире хеш есть. Его надо по бартеру тем же евреям на «кокос» менять, с Васей тоже договориться не проблема, свой же он, с Волги, а герыч – его и в руки лучше не брать. Сказано – сделано. С евреями сговорились, Вася – свой, полиция, ну, вы сами понимаете, вы же тоже россияне... только тут это дешевле в десятки раз. И пошла у них работа. Хануман сделал себе прическу понтовую с четырьмя косичками и лентами разного цвета. Ковбой шляпу ковбойскую с хвостом лисьим надел и сапоги со шпорами. Конечно, жарко по индийской погоде, но имидж требует жертвенности. Носятся они по Гоа, товар предлагают, объявления в газету дают, пати различные посещают, товар свой прилюдно употребляют, чтобы все видели, какой он хороший, что аж сам продавец его курит и при этом жив остаётся. Клиентура увеличивается, благосостояние растёт, вот уже в Интернете про них обсуждения начались. Кто-то телефончиком их поделился на форуме, кто-то разъяснил, как проехать к «джусцентру» в Чапоре, где у них база была оборудована. Так постепенно стали они личностями извест-

ными, знаменитыми даже. Вот уже и англичане отмороженные, которые раньше к индийцам обращались, звонить договариваться стали. Евреи Анжунские ходят расстроенные – раньше бизнес пёр, теперь русские его перехватили и клиентуру отнимают. Какая же это дружба народов получается, или Бейрут никак простить им не могут, славяне мстительные. Уже из «Панчаата», органа самоуправления, Исполкома по-нашему, звонить начали. Начальник полиции провинции Бартез приехал:

– Вы, – говорит. – Это, того, совесть-то поимейте, вы мне денег сколько платите?

– Столько-то...

– Вот, а у нас лицензия на ресторан с торговлей алкоголем столько стоит. Вы бы это, того... денег бы добавили.

– Так нет у нас ресторана с алкоголем. – Отвечают. – А за «драг лицензию», чтобы наркотиками торговать, мы тебе и так неплохо по вашим меркам платим.

– Да, оно, конечно, платите вы исправно, что и говорить, только вот хасиды эти Анжунские жалуются на вас. Говорят, мы тут с семидесятых годов обосновались, бизнес свой честно вели, налоги платили, никого не обижали, даже не убили никого ни разу, арабов-то вокруг нет. А тут эти приехали, настырные такие, носятся по всему Гоа, клиентов наших переманивают, демпингуют, поцы.

– Так ведь бизнес это. Здоровая конкуренция. На этом вся мировая экономика держится, рынок, обтель!!!

– Оно, конечно, правда ваша, законы экономики я в Кембридже изучал, да вот законы штата относительно продажи наркотических и сильнодействующих средств куда деть?

– А никуда девать и не надо, законы – вещь хорошая, их люди умные писали, зарплату за это получали немалую, зачем их обижать? Вот если мы тебе ещё долларов пятьдесят-сто в месяц добавим, как ты думаешь, успокоятся эти масоны?

– Не-е, за сто не успокоятся, мне вон воду в участок привести надо, а то мои молодцы из ведра кружкой пьют и писать во двор под дерево выходят, да и забор вокруг тёщиного дома поправить пора. Вы бы это, того, дали бы двести.

Ну, двести не двести, а на сто пятьдесят сговорились, с условием, что в местной газете статья разоблачительная выйдет с фотографией одного из них и названием: «Лицо русской наркомафии», тогда эти сионисты успокоятся. На том и порешили. Денег дали. Статью даже сами написали. И деталей туда художественных сочинили, что вот есть тут такие, фоту Ханумана прикрепили и добавили, если снять его рыжие шорты, то на заднице можно увидеть татуировку – МИД РФ на Смоленской площади. Как будто все работники гоанских правоохранительных органов знают, как выглядит это важное государственное заведение в центре Москвы. Статья вышла, народ её читать стал и спрашивать друг друга: «А где найти этих ребят, почему телефон не напечатали, что же, как рыжие шорты увидел, просить снять их, чтобы

татушку разглядеть, не силой же стаскивать, не по-гоански это, этим Таиланд славится...». Начальник полиции потом понял, что сделал ребятам рекламу за государственный счет, ну что же, зато сотрудники воду свежую пьют, писают с комфортом, у тёщи забор красивый, и евреи увяли со своими капризами, обижают их, видите ли, не дают кокаин втридорога барыжить.

Так и носятся теперь по Гоа два мотоцикла, один желтый, на нем Хануман, по пояс голый, в рыжих трусах с двадцатью четырьмя карманами, в каждом из которых различные порошки, таблетки, капли, толы гашиша аккуратно разложены, и черный, на котором в любую погоду ездит человек в ковбойской шляпе и сапогах со шпорами. И только ветер свистит в ушах, и слышится над холмами Чапоры и обрывистым берегом Вагатора: «Хануман!!!», и эхо отвечает: «Ковбой!!!».

Практические советы

Практические советы. Часть первая – житейская

Итак, советы практические. Если вы собрались ехать на юг Гоа, не забудьте взять с собой чего-нибудь почитать, вечерами там скучновато, жизнь после заката сосредотачивается вокруг береговых шеков (ресторанчики из бамбука и пальмовых листьев). Мой знакомый из Калининграда Гена называет их «домик Нуф-Нуфа». Качество еды в них если не лучше, чем в стационарных каменных заведениях, так уж точно не хуже, главное, не заглядывать на кухню и не наблюдать процесс приготовления.

Кстати, на кухню лучше и в Европе не заходить, даже в очень дорогих едальнях. Один знакомый по прошлой работе олигарх рассказывал, как в Париже, в самом дорогом в мире ресторане «Максим» они по пьяни забрели в кухонную зону. Перед этим выбрав в аквариуме живого осьминога на ужин, которого при них треснули тем местом, где у нормальных тварей голова, о каменный стол, и он якобы сдох. Потом его унесли якобы готовить. И вот пьяные друзья видят, как их убиенный моллюск приходит в себя в тазу с ледя-

ной водой, а на столе размораживается филе из морозилки. Возможно, после нескольких таких контузий его и употребляют в пищу, а может, как вознаграждение за испытанные стрессы и стойкость, отпускают в Сену, и пусть себе плывет в море. Фишка в том, что дурят везде, только в цивилизованной Европе это делают за дорого, а здесь подешевле.

Здесь нет смысла замораживать продукт, свежий у рыбаков стоит дешевле истраченного электричества. Так что кушать в Гоа можно везде, не взирая на «прикинутость» заведения, это касается как юга штата, так и севера, различий в этом нет. Различия в следующем: юг – дорогой, степенный (по индийским категориям), застроенный (не густо) дорогими отелями (даже по европонятиям). Публика и отдых соответствующие: пляж, обед, вечер в гостиничном ресторане, анимация а-ля туркиш или можно в шеке на берегу, тут вас накормят, развлекут, споют чего-нибудь и покажут «файершоу» на хорошем самодеятельном уровне. В двадцать два по закону музыку надо выключать, если твое заведение не звукоизолировано и ты не приобрёл лицензию на «шум после десяти вечера». В десять вечера юг укладывается спать, всё вымирает, лишь маленькие островки цивилизации светятся беззвучными вывесками интернет-кафе и закрывающихся баров, служащие которых пытаются вежливо пробудить престарелых упившихся англичан или немцев. Другой вариант: стандартный набор экскурсий, их немного. А так же выезд на север на ночной рынок в субботу. Или

на «Блошинный рынок» в Анджуне (опять же север) по средам. Такой отдых хорош для желающих покоя и отстраненности, я смог его выдержать четыре дня и уехал на север.

Север – это «пожар», карнавал, тусовка, котел, транспати, хиппи, фрики, как еще обозвать... Даже не знаю. Молодежь, купившая путевки на юг, прознав, чего к чему, старается проводить время на севере. В Арамболе (почти самый север), я часто встречал русскую пару, они каждый день на байке восемьдесят семь километров в одну сторону... И столько же обратно... «Не, в следующий раз только на север...» – сказали они.

«В следующий раз...» большинство народа приезжает сюда не по путевке, а «дикарями». К поселившимся здесь россиянам, как я называю это: «геморрой фри» и «мани сейф» метод. Если у вас нет комплексов, что знакомые узнают, как вы отдыхали не в пятизвездочном ХОТЕЛЕ, а жили в гестхаузе и потратили на это не тысячи уев, а всего лишь сотни, то прямой смысл поступить именно так.

Кстати, о геморрое. Непривычные к двухколесным транспортным средствам зады европейцев, особенно северных, при расположенности к этому заболеванию (а она после тридцати лет весьма актуальна при нашем образе жизни) вкупе с жарой и острой пищей дают положительный по медицинской терминологии результат. Не надо отказываться от поездки, аренды мотика или везти с собой свечи «Релиф» из Москвы, здесь есть прекрасное средство COREKT, и сто-

ит: пять свечей – двадцать один рубль на наши деньги.

Вообще с фармацевтической точки зрения Индия опережает, на мой взгляд, Россию, здесь в аптеке можно купить все, надо только суметь объяснить, чего у вас болит, про цены я молчу... Тему аюрведы и лекарственных трав от фирм ХИМАЛАЯ и ДОБУР я оставил на потом, потому что не все пока изучил и опробовал на себе, поэтому пишу о вещах лично испытанных – вот о COREКТЕ, например...

Второй актуальный совет. Если вы не собираетесь сидеть в гостинице после заката – возьмите с собой фонарики, лучше такие, которые надеваются на голову на манер шахтерских, они маленькие, долго работают и стоят на Пражском рынке сто рублей, здесь таких не продают, а нужда в них постоянная, темнеет рано, и перебои с электричеством случаются...

Ещё небольшой совет. Не везите с собой килограммы лекарств. Не действуют они тут почему-то. Здесь в аптеках есть всё. От парацетамола до антибиотиков. Если проблемы с желудком, что по-первости не редкость, есть хорошее аюрведическое средство ДАЙРЕКС. От простудных болей в горле, ушах – СЕПТИЛИН, тоже чисто из трав. Это же касается косметики, кремов, бальзамов, средств от и после солнца. Всё это здесь лучше, натуральней и в разы дешевле.

АЛКОГОЛЬ. Русскому человеку, едущему на отдых, возможно, это будет интересно. Ясное дело, что в «дьютике»

вы затаритесь. Но водка имеет свойство быстро заканчиваться. Поколению от сорока и выше будет приятно вспомнить вкус портвейна. Конечно, это не «777» и не «Сахра», но бывшие колонизаторы, португальцы, научили местное население кое-чему. Цена смешная, два с половиной доллара бутылка. Примерно столько же стоит семилетний, если верить этикетке, ром «Олд Монк». Забористая штука, сорок три градуса. Вот такие крепкие монахи водятся в здешних местах, ведь переводится название, как «Старый Монах». В сфере алкоголя трудно давать советы. Оказывается, даже в Москве есть клуб любителей индийского виски. Здесь его столько разновидностей, как в Рязани водки. Пива не такое разнообразие, как в «Ашане» или «Рамсторе», но оно есть. Появилось с недавних пор даже безалкогольное. Ну и как все пива в мире этой ценовой категории имеет примерно одинаковый вкус. Национальное достояние и гордость местных «синяков», коих тут немало – самогон «Феня». Для несведущих поясню, гнать можно из всего, где содержатся легко расщепляемые углеводы. Сахара, например. Здесь гонят из груш ореха кешью, сока кокосовой пальмы Тодди и сладких фруктов, коих тут не мерено. Очень хорошее средство протираться вечером от пыли, кожа становится мягкой и бархатистой.

КУРЕВО. Курят тут практически всё. Про сигареты – не актуально, их «дыютифришного» запаса обычно хватает

на время отдыха. Есть аюрведические сигареты «Нирдош», это смесь трав, не содержащая табака, завёрнутая в сухой лист дерева. То есть никотина в них нет в принципе. На вкладыше написано, что курение их очень полезно. Благотворно действует на печень, почки... Как могут быть продукты горения полезны для здоровья, там не уточнено, но в Гоа ещё не такие чудеса встречаются. А названы они так по фамилии доктора, который тридцать лет изобретал их рецептуру. Интересно, кто же был подопытным все эти годы, но в благодарность медику теперь их продают даже в аптеках. В Москве они стоят десять рублей сигарета, здесь – двенадцать рублей пачка, десять штук.

Практические советы. Часть вторая – аюрведическая

Итак, инфа о местных аюрведических препаратах и снадобьях, их пользе, вкусе и приятности последствий приема. О многочисленных и доступных средствах из категории «дурь» я здесь не буду распространяться, может быть, позже. Совращённым же гоанской вольницей и вседозволенностью могу порекомендовать ПАРТИ СМАРТ, в народе его называют аюрведическим алкозелцером, способным снимать синдромы похмелья не только от наркотиков алкогольной группы. Продаётся в пачках весёленькой расцветки по пять капсул.

Теперь для людей серьёзных, заботящихся о демографической ситуации в России посредством сохранения здоровья своего и своих близких.

АШВАГАНДА – растение по своей культовости и популярности сродни Жень-шеню у китайцев. Только китайцы – лучшие в создании легенд и напускании тумана, поэтому весь мир знает о Жень-шени, а про Ашваганду – лишь интересующиеся. Это адаптогенн, помогающий при смене климата, пищи, воды, короче то, что вам поможет быстрее прийти в себя по прилету в Индию и далее по возвращении в Рос-

сию. Но больше она известна как антистресс, а это уже серьезно. По моему представлению, она просто необходима любому россиянину в условиях первоначального накопления капитала, который еще продолжается. Придаёт мужскому полу больше мужественности как в светлое время суток, так и в ночное.

То, что я сейчас описываю, производится известной во всем мире и у нас в том числе фирмой ХИМАЛАЯ, чьи препараты ЦИСТОН, ЛИВ-52 и еще по мелочи продаются в наших аптеках. Однако, здесь разнообразие продукции этой фирмы очень велико, а сам продукт отличается по внешнему виду и качеству от производимых на экспорт, причем, в лучшую сторону (вот такая забота о согражданах), про цены даже говорить не буду. На баночках стоит фиксированная цена в рупиях, и во всех магазинах и аптеках вы купите ее по этой цене. Компания эта больше ориентирована на иностранного покупателя, поэтому в назначении цен на свою продукцию не стесняется. Более дешёвых аналогов у конкурирующих производителей предостаточно. Но описывать всех – бумаги не хватит.

КАРЕЛА, или горькая тыква, больше напоминает огурец, который поливали тем же диоксином, которым в своё время отравился украинский президент. По всей Азии этот овощ очень популярен, его заваривают как чай, во Вьетнаме я ел из него суп. Занятие это не очень интересное, потому

как названию соответствует полностью. Здесь же его порезали, посушили и упаковали в капсулы, глотаешь и получаешь вовнутрь регулятор метаболизма, налаживающий обмен веществ, особо необходимый желающим нормализовать свой вес.

ЛАСУНА, или гарлик, или, по-нашему, чеснок индийский. Кроме выведения холестерина он единственный, насколько я знаю, содержит германий, необходимый организму. А также способствует желанию... однако, удовлетворению этого желания не способствует сопровождающий его аромат, если употреблять его в природном виде, ну или ваша любовь и желание должно быть настолько сильными и взаимными... Короче, в капсулах удобней и не надо заморачиваться на тему производимого вами на окружающих впечатления даже без «Орбита»...

Уж коли коснулись этой темы... Для девушек, понимающих толк в темпераментных «муздчинах», совет: купите препарат ТЕНТЕКС РОЯЛ все той же фирмы ХИМАЛАЯ (надо бы с них процент за рекламу попросить). Это смесь сушеных растений, каждое из которых является мощным афродизиак. В инструкции написано – юзать по две капсулы за час до «койки», по опыту скажу, это рекомендации для тех, кому за сто лет. Если вашему мужчине меньше, то начните с одной, потому что солнце, фрукты, море, жара и прочие стимулирующие средства и так делают своё дело,

а «слишком хорошо – тоже не хорошо...».

АМАЛАКИ – модное нонича определение – антиоксидант, богат витамином С, укрепляет иммунитет, ну и способствует...

ТУЛАСИ, или ТУЛСИ – индийский, или «Святой базилик», ботаническое воплощение одноименной Богини. Даже по названию проникаешься уважением к этому растению. Очень ценное растение для людей курящих и обладающих легочными проблемами. Очищает легкие, выводит из них последствия нездорового образа жизни. В условиях отдыха на Гоа с его разнообразием курительных возможностей рекомендую всем...

ХАРИДРА, она же турмерик, она же куркума, ну это такая специя, довольно известная в России, вкус на любителя, я лично им являюсь, но нужного количества в «живом виде» не съешь, а в капсулах – легко. Антисептик, антиаллерген, улучшает пищеварение.

ТАГАРА – это валерианка, очень сильная она тут, и спишь с одной капсулы, как ребенок.

Препарат САФИ запомнить очень легко, как наша знаменитая теннисная или эстрадно-нефтяная фамилия, только без последней буквы. Можно предположить, что предки Марата или Алсу побывали в Индии пару веков назад, а может, с Рерихами жили в качестве семейных докторов и со-

ставили формулу этого сиропа – очистителя крови. В него входит несметное количество трав, выросших в Гималаях, и, если верить утверждениям моей бабушки, что лекарство должно быть горьким, то это не профилактическое средство, а самое настоящее лекарство. В жарком климате в организме все процессы ускоряются, и помочь печени очистить кровь – вещь весьма нелишняя, поэтому рекомендую начать её применение еще во время вашего пребывания в Индии. Горько, противно и подташнивает, если выпить его натошак, но легкой жизни во время путешествия вам никто и не обещал.

ШИВАНПРАШ, или ШИВАНПРАША, разные фирмы по-разному пишут название, и продукция их немного отличается друг от друга по вкусу и различным добавкам. В России вообще принято писать ЧАВАНПРАШ. У нас в семье это называется «Варенье от всех болезней». В его состав входит несколько десятков различных трав, фруктов, минералов, серебро, которое, кроме всего прочего, индийцы любят класть сверху даже на сладости в виде тончайшей сусальной фольги, которая растворяется при попадании в рот. Формуле этого снадобья более 6 тысяч лет, и, что радует, современные технологии не портят своей стандартизацией традиционные вещи, или у индийцев хватает ума делать такие вещи «по-старинке». Принимается «варенье» после еды, один-два раза в день по чайной ложке и способствует оздоровлению и омоложению организма. Принимать его нужно

регулярно, хотя и одна банка принесет вам большую пользу. Но при соблюдении регулярности через пару лет во время нового знакомства вы смело сможете скидывать себе десяток годочков, и партнёр вам поверит. По крайней мере, я именно так и делаю, и пока без нареканий. Даже жена иногда на утро удивляется, а точно в паспорте ошибки нет?

ГЕРИФОРТЕ – это примерно тот же ШИВАНПРАШ, только для ленивых и очень занятых людей. Потому что выпускается в таблетках, соответственно – компактный, более концентрированный и обогащённый. И его, в отличие от банки «вареньица», всегда можно носить с собой. В состав входят многие растения и аюрведические препараты, перечисленные выше. Эдакий комплекс «все в одном» по принципу «Хедэндшолдерса». И адаптоген, и регулятор метаболизма, и тонизатор. Рекомендую брать с собой в Россию-матушку и принимать курс (одна баночка – 60 таблеток) раз в полгода, и будет вам счастье и здоровье, по крайней мере, портить вы его будете несколько дольше, чем не принимая. Ибо раздел науки аюрведа, ведающий природными растительными богатствами, из которых все это делается, за последние 5—6 тысяч лет существования на практике доказал свою компетентность. Одна ремарка – принимать все это надо системно и по возможности регулярно, то есть проходить курс и делать перерыв, и так по кругу. Аюрведа – не панацея от болезней, это, скорее, вспомогательное, профилактическое средство. Она помогает укреплению организма, хороша во время

восстановительных периодов после операций и болезней.

Все эти вещи больше интересуют женщин, они как-то серьезней и вдумчивей относятся к своему здоровью. Именно о них, наших любимых созданиях, и позаботилась Природа, придумав великое растение – ШАТАВАРИ. Первейшее средство для женского здоровья. Очищает почки, органы половой, детородной сферы и всего тазового пояса. Входит также в состав многих средств для мужчин. Небольшое предупреждение, этэншн, плиз: у этого растения есть очень серьёзный побочный эффект, который некоторые считают основным действием и специально для того принимают. Он является самым сильным, по крайней мере, из известных мне, женским афродизиаком. И у некоторых девушек вызывает чувство, ну, очень пристального внимания к противоположному полу. Речь, конечно, о девушках самой обычной ориентации... поэтому не следует принимать его вдали от своей половины или перед длительными командировками... хотя, тут я не советчик, все за разным ездят в командировки. Эффект этот возникает не сразу, всё зависит от дозы и продолжительности приёма. Если следовать инструкции на упаковке, то недели через две. Один наш товарищ рассказывал, что по моему совету его жена купила ШАТАВАРИ и начала принимать во время их поездки по Индии. Она не заморачивалась чтением предписаний. Препарат был в виде пасты, приятный на вкус. Она намазала его на бутерброд и тем позавтракала. Баночка, рассчитанная на две недели, закончилась

через три дня. В тот момент, как назло, они плыли на пароме в сторону Андаманских островов. Получилось, как в анекдоте «...куда же ОН с подводной лодки денется...». Хорошо ещё, что каюта снаружи запиралась... сам Григорий ночевал на палубе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.